

МОСКОВСКИЙ МАСКАРАД «ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ МИНЕРВА» (1763) ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦА*

Маскарад «Торжествующая Минерва», завершавший в Москве масленичную неделю 1763 года, а вместе с ней и череду торжеств, посвященных коронации Екатерины II, является, пожалуй, одним из наиболее известных русских публичных торжеств XVIII века. Само по себе упоминание о *четырёх тысячах участников и 250 платформ*,¹ на протяжении трех дней увеселявших московскую публику, без каких-либо подробностей достаточно, чтобы потрясти воображение и найти себе место в книгах, посвященных обзору культуры этой эпохи. Неудивительно поэтому, что сам факт проведения маскарада достаточно хорошо известен исследователям русской литературы и культуры XVIII века. Однако круг *исследований* о нем никак нельзя назвать обширным. До недавнего времени он привлекал внимание специалистов главным образом в связи с вопросом об авторстве анонимных хоров,² и только в последние десятилетия стали появляться работы, вводящие символику этого торжества в широкий круг государственной риторики первых месяцев

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга (субсидии для молодых кандидатов наук 2012 года).

¹ Эти часто повторяемые сведения о маскараде восходят к книге П. И. Сумарокова «Черты Екатерины Великия» (СПб., 1819), где сообщается: «Колесниц (...) находилось числом до 250, а людей в действующих лицах и свитах, набранных из граждан, до 4 тысяч человек» (с. 40). Прямых сведений о числе участников маскарада и задействованных в нем платформах установить не удается. Судя по публикуемому ниже описанию, приводимые П. И. Сумароковым цифры завышены по меньшей мере вдвое. Ср. также указание очевидца, М. И. Воронцова, сообщенное в письме к А. Р. Воронцову в вечер первого дня маскарада: «Для веселья публики ея И. В. повелела сделать большие горы для катания и маскарад по улицам, представляющий многие пороки людские и за ними следующие добродетели. К сему маскараду обучены фабришные, и разные городские люди, числом до 1000 человек, были наряжены приличными одежаниями своих персонажей со многими колесницами» (Архив князя Воронцова. М., 1885. Т. 31. С. 205).

² Берков П. Н. «Хор ко превратному свету» и его автор // XVIII век. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 181—202; Гужовский Г. А. О «Хоре ко превратному свету» (Ответ П. Н. Беркову) // Там же. С. 203—217; Всеволодский-Гернгросс В. А. Ф. Г. Волков и русский театр его времени // Ф. Г. Волков и русский театр его времени. М., 1953. С. 45—49. В статье П. Н. Беркова приведен почти исчерпывающий перечень публикаций по данному вопросу, появившихся в печати в XIX—начале XX века. К нему можно добавить лишь заметку о «Торжествующей Минерве», появившуюся в «Музыкальном и театральном вестнике» (1856. № 29. С. 522—525).

правления Екатерины II, причем по большей части эти работы напрямую маскараду не посвящены.³ Причину подобной ситуации, кажется, следует искать в том, что основной источник сведений о маскараде — его печатная программа, составленная из стихотворных пояснений М. М. Хераскова, краткого описания Ф. Г. Волкова и анонимных хоров,⁴ является текстом, чрезвычайно сложным для понимания. Красочно передает изумление, испытываемое читателями конца XIX—XX века, впервые столкнувшимися с этой брошюрой, замечание писателя Вячеслава Шишкова в его историческом романе «Емельян Пугачев»: «несмотря на то, что при каждой картине свой хор (...) пел стихи, поясняющие содержание картины, народ безмолвно пялил глаза и ничего не понимал ни в акциденциях, ни в гарпиях, ни в сосущих рожок старухах».⁵ Вряд ли подобная оценка соответствует действительности — сохранилось свидетельство А. Т. Болотова о восторженном приеме маскарада у простой публики;⁶ но ощущения современного читателя эти слова описывают вполне точно. Представляется, что удачной попыткой приблизиться к пониманию «сосущих рожок старух» стала серия статей, опубликованных в последнее время Е. В. Погосян.⁷ Ее попытки наложить описания Волкова и Хераскова на эмблематико-аллегорическую традицию европейской и русской лубочной картины оказались, как кажется, чрезвычайно продуктивными. Представляется также, что аллегорика «Торжествующей Минервы» должна рассматриваться в контексте аллегорического оформления государственной идеологии первых месяцев правления Екатерины II, как это отчасти сделано в «Сценариях власти» Р. Уортмана.

Вместе с тем работа с печатным описанием маскарада осложняется тем обстоятельством, что в нем отсутствует принципиально важная для подобных сочинений составляющая — толкование аллегии. Сама природа аллегорического жанра предполагала, что явленное зрителям действие представляет собой некую загадку с единственно верным толкованием, вкладывавшимся в нее создателями, без чего вся аллегория превращалась в лишенное общего смысла нагромождение картин. Именно это и произошло, по сути, с «Торжествующей Минервой». Печатное «Опи-

³ *Вдовина Л. Н.* Риторика праздника: Москва в дни маскарада «Торжествующая Минерва» // Россия в средние века и новое время. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1999. С. 256—271; *Проскурина В.* Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 76—77; *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Материалы и исследования. М., 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 153—199; *Махотина А. А.* Панегирическая программа и ее художественное воплощение в искусстве государственных празднеств эпохи Екатерины II. Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. С. 53—59.

⁴ Торжествующая Минерва. Общепризнанное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 года, генваря дня. М., [1763].

⁵ *Шишков В. Я.* Избр. соч.: В 6 т. М., 1946. Т. 4. С. 231. В изложении событий маскарада, как и в оценке его непонятности для зрителей, Шишков следует за В. А. Бильбасовым (История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. 2. С. 179—182).

⁶ «Все промежутки между оными (домами. — А. К.) установлены были многими тысячами людей (...) вся Москва обратилась и собралась на край оной, где простиралось сие маскарадное шествие. И все так оным прельстились, что долгое время не могли сие забавное зрелище позабыть; а песни и голоса оных так всем полюбились, что долгое время и несколько лет сряду уезжаясь ими народ, заставляя вновь их петь фабричных, которые употреблены были в помянутые хоры и научены песням оным» (*Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / [Публ. М. И. Семевского]. СПб., 1871. Ч. 2. Стб. 390); Г. Р. Державин вспоминает о «Торжествующей Минерве» как «славном народном маскараде» (*Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1871. Т. 6. С. 436).

⁷ *Погосян Е.* 1) Ломоносов и Химера: отражение литературной полемики 1750-х годов в маскараде «Торжествующая Минерва» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия): К 85-летию П. С. Рейфмана. Тарту, 2008. С. 11—24; 2) Момус и Превратный свет в маскараде «Торжествующая Минерва» // И время и место: Историко-филологический сборник к 60-летию А. Л. Осовата. М., 2008. С. 55—72; 3) К предьстории «Торжествующей Минервы»: И. И. Бецкой и М. М. Херасков в кругу организаторов маскарада // Пермский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 111—127.

сание большого маскарада», составленное Федором Волковым, включает лишь перечисление принимавших участие в шествии маскарада лиц, смысл появления многих из которых невнятен без обращения к иконологической традиции («Дикари с ассистентами. Место для арлекина»; «Карлицы и гиганты (...) Химера, кою рисуют 4 худых маляра и 2 рифмача, едущие на коровах» и т. п.). Отчасти толкованию маскарада служили сочиненные М. М. Херасковым «Стихи к большому маскараду», начинающиеся с краткого общего введения, где говорится, что все представление в целом дается «Чтоб мерзость показав пороков, честность славить, / Сердца от них отвлечь, испорченных поправить, / И осмеяние всеобщего вреда / Достойным для забав, а злобным для стыда». В стихах Хераскова дано и самое общее толкование большинства сцен. Вместе с тем многие образы из описания Волкова не находят себе объяснения в стихах Хераскова, а все толкование групп Вулкана и Юпитера, выделенных Волковым, сводится у Хераскова к одной строке — «мщение течет с стрелами им вослед». Еще менее понятными оказываются сочиненные А. П. Сумароковым «Хоры»,⁸ не только опирающиеся на неявленный в других частях брошюры перформативный ряд маскарада, но и содержащие такие строки, как «тал лал ла ла ра ра», «шерин да берин лис тра фа», «под вирь вирь дон дон дон» и пр.⁹

Таким образом, без последовательного аллегорического толкования маскарада интерпретации его содержания остаются, по большому счету, лишь спекуляциями, основанными на источниках различной степени достоверности. Поэтому представляется особо значимой находка, публикации которой посвящена настоящая работа.

В коллекционной части фонда Я. Л. Барскова в ОР РГБ сохранилась рукопись на 18 листах большого формата (во 2-ю долю листа) в богатом шелковом переплете, озаглавленная ее автором как «Поражение пороков и возвращение золотого века, или победа Минервы и добродетели над человеческими страстями. Всенародный маскарад».¹⁰ 12 листов из 18 занимает раздел «Порядок путешествия народного маскарада», не только существенно дополняющий сведения об изобразительном плане маскарада, но и дающий аллегорические толкования как многим группам в целом, так и отдельным персонажам. О степени подробности этого описания можно судить по следующим цифрам. В программе Волкова можно найти иконологическое описание лишь семи из персонажей маскарада; в общей сложности из его текста можно узнать лишь о 195 участниках, большинство групп (85) дано без описания точного числа входивших в них людей. В рукописи РГБ дается

⁸ Приведенные Г. А. Гуковским доводы в пользу авторства хоров, а также указание Сумарокова в письме Екатерине II от 3 мая 1764 года: «все прожекты умершего Федора Волкова не его, но мои; а что он мое имя умолчал, в том он несколько согрешил» (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 96), представляются мне убедительными.

⁹ «Заумь» этих хоров привлекала внимание исследователей: *Артемова Т. В.* Торжествующая Минерва в мире абсурда // *Silentium*. СПб., 1992. Специальный вып. Язык и текст: Онтология и рефлексия. С. 80—85; *Успенский Б. А.* Заумная речь у Сумарокова // *Библиистка*. Славистика. Русистика: К 70-летию ... А. А. Алексеева. СПб., 2011. С. 499—508; *Гончаренко М. А.* «Хоры» А. П. Сумарокова в контексте народной культуры // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011»*. М., 2011. С. 759—760. Развернутые результаты исследования М. А. Гончаренко, изложенные в ее магистерской диссертации «Хоры А. П. Сумарокова в маскараде „Торжествующая Минерва“ 1763 года. Традиции и новаторство» (СПб., 2011), остаются неопубликованными. Пользуясь возможностью, приношу искреннюю признательность Гончаренко за возможность ознакомиться с рукописью ее труда.

¹⁰ РГБ. Ф. 16 (Я. Л. Барсков). Карт. 29. № 2. В дальнейшем все ссылки на эту рукопись приводятся в тексте статьи с указанием в скобках листа. К сожалению, при подготовке настоящей публикации не была произведена атрибуция бумаги рукописи. По справедливому устному указанию А. Л. Лившица, рукопись может представлять собой как подлинник 1763 года, так и позднейший список. Листы 2—5 единицы хранения РГБ занимает вложенный в публикуемую рукопись печатный экземпляр «Описания аллегорического изображения в заключении великодушных торжеств по совершении коронации Ея величества сентября 1762 года» (М., 1762).

иконологическое описание 24 персонажей маскарада; в общей сложности указано 756 участников; только 66 групп даны без указания на точное число составлявших их людей.

Особый интерес рукописного описания представляет его обширный перитекст, состоящий из шести частей: письма автора Екатерине II; краткого предисловия, сообщающего об обстоятельствах подготовки маскарада и его описания; «Предупреждения», вводящего маскарад в контекст московских придворных развлечений конца 1762 — начала 1763 года; «Нужного изъяснения», дающего общее толкование маскарада, а также в заключение — описания «Места маскарада» и «Апологии». Поскольку именно здесь содержатся сведения об авторе описания и обстоятельствах его создания, стоит остановиться на этих частях подробнее.

Из краткого предисловия к описанию мы узнаем, что автором его был некто «господин Дебулард, Его христианнейшего величества советник» (л. 7). Имя это неизвестно истории французской словесности: подобный литератор или сколько-либо известный человек, связанный со сферой писательства в середине XVIII века, не известен ни французским биографическим словарям, ни электронному сводному каталогу французских библиотек, ни другим ресурсам. Известно лишь, что некто Буляр (Boulard), бывший адвокат парижского парламента, прибыл в октябре 1762 года в Петербург с рекомендациями к французскому посланнику от некоего господина ле Ге (le Guay).¹¹ По-видимому, рекомендация была связана с включением де Буляра в работу французской миссии, поскольку некоторые места «Необходимого предупреждения» позволяют предположить, что автор аллегорического описания входил в состав дипломатического корпуса. Так, описывая развлечение двора в конце 1762 — начале 1763 года, де Буляр замечает: «В сем искреннем описании не могу я и себя забыть (...) нет тогда в России иностранца, когда дойдет до обожания ее императрицы (...) Они кажутся быть присланниками от недоверяющих народов, которые, не утверждаясь на славе, прибыв для познания о всем чрез самих себя и нашед все носящиеся похвалы гораздо слабее подлинности, не могут и не хотят оставить то, чему они удивляются (...) Министры других европейских государей, хотя привыкли к великолепию своих дворов, но однако же удивляются преимуществу российского» (л. 8 об.—9).

Никаких точных сведений о личности де Буляра установить не удалось. Известно, что в 1741 году адвокатом парламента стал и оставался им, по-видимому, до 1751 года Жан-Баттист-Дьедонне Пети де Буляр (Petit de Boulard), королевский советник, с 1743 года заместитель главного прокурора на Мартинике, масон, в 1752 году получивший 12-летнюю привилегию на заведение театров в Гиене и Лангедоке, но через год лишившийся ее из-за неуживчивого характера, в середине 1750-х годов предлагавший проекты по постройке канала, соединяющего Сену и реку Эссон.¹² Хотя столь разноречивые и авантюрные факты подходят автору неожиданно написанных в феврале 1763 года в России сочинений, отнестись к подобной атрибуции следует в высшей степени осторожно, помня, что пока что никаких прямых указаний на личность автора описания нет.

¹¹ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier / Sous la direction de A. Mézin & V. Rjéoutski. Freney-Voltaire, 2011. Т. 2. Notices. P. 99.

¹² Almanach royal, année MDCCXLIX. Paris, 1749. P. 241; Ibid. Année MDCCLI. Paris, 1751. P. 241; Ibid. Année MDCCLII. Paris, 1752. P. 240; *Fuchs M.* La vie théâtrale en province au XVIIIe siècle. Genève, 1976; Archives nationales d'outre-mer. COL C8A 55 F^o 27; *Pinson P.* Recherches sur la navigation d'Étampes a Corbeil // Bulletin de la société historique et archéologique de Corbeil, d'Étampes et du Hurepoix. 1899. № 5. P. 119—158; D'encre et d'eau. Les projects du canal d'Essone (Les Archives de l'Essone. Aux sources de l'histoire local. 2009. № 4); *Kervella A.* La maçonnerie écossaise dans la France de l'Ancien Régime. Monaco, 1999. Использoваны электронные копии изданий и документов, полученные с помощью различных средств поиска Интернет-портала Google, национальных архивов Франции, а также электронной коллекции Национальной библиотеки Франции.

О том, что де Буляр был человеком с весьма бойким пером, говорит скорость его работы. Он сам отмечает ее в письме к Екатерине II и кратком предисловии: «Скорое исполнение <...> сего <...> изъяснения составляет все его достоинств[o]; однако таковая скорость в подобных случаях не должна возбуждать удивления»; «сие моралическое исполнение <...> сделано <...> в сорок восемь часов» (л. 6, 7). Хотя рукопись не датирована, с уверенностью можно говорить, что утверждение о 48 часах если и является преувеличением, то не слишком значительным, поскольку уже 17 февраля по старому стилю, через две недели после окончания маскарада, краткое известие о нем, являющееся, по сути, рефератом описания де Буляра, было отправлено из Москвы для публикации в европейских газетах.¹³

Эта скорость в подготовке столь обширного описания представляется тем более важной, что она проявилась и в другом сочинении де Буляра, также созданном в феврале 1763 года и ставшем фактом истории русской литературы. До 1974 года оно было известно как перевод с неизвестного источника «Сокращение о вольности французского дворянства», выполненный Д. И. Фонвизинным.¹⁴ В 1974 году подписанный фамилией «de Boulard» французский подлинник этого сочинения вместе с двумя списками его русского перевода был обнаружен в бумагах комиссии о делах дворянства С. М. Троицким.¹⁵ Показательно, что указ о создании комиссии был подписан Екатериной II 11 февраля 1763 года, а самим де Буляром в его рукописи датой ее написания указано 12 февраля.¹⁶ Можно с большой степенью уверенности говорить, что мы имеем дело с двумя текстами одного автора. Хронология событий, разделенных всего 10 днями, как и реферат описания маскарада, отправленный в европейские газеты уже 17 февраля, заставляют предположить, что сперва было составлено описание маскарада, и лишь затем — рассуждение о дворянстве. Таким образом, заманчивая перспектива увидеть в переводе «Поражения пороков» раннюю работу Фонвизина вряд ли основательна. Как бы ни логично было предположить, что он перевел оба близких по времени текста де Буляра, не стоит забывать, что весь январь Фонвизин был в командировке с дипломатической миссией: он должен был вручить герцогине Мекленбург-Шверинской ленту ордена св. Екатерины. До сих пор было известно лишь, что Фонвизин находился в связи с этим поручением в Гамбурге 14 января,¹⁷ на основании чего делались осторожные предположения, что он мог успеть увидеть маскарад «Торжествующая Минерва».¹⁸ Судя по всему, это не так: как показывает периодика 1760-х годов, лента ордена была торжественно надета на герцогиню 23 января (по старому стилю), в день ее рождения, и прибывшая для этого в Шверин русская миссия покинула двор 28 января.¹⁹ Преодолеть за 5 дней путь от Шверина до Москвы вряд ли было возможно;

¹³ Gazette de Cologne. 1763. № 27 (5 avr.). P. [2—3]. Текст этой статьи см. в Приложении № 1 к настоящей работе. Она была перепечатана в майском выпуске «Nouvelliste Suisse» (P. 185—187), а в 1765 году ее немецкий перевод появился в 33-й части «Fortgesetzte Neue Genealogisch-Historische Nachrichten» (S. 602—603). При подготовке настоящей публикации использованы комплекты европейских газет и журналов из фондов РНБ, ГПИБ, а также электронных коллекций «Google books» (<http://books.google.com>), Национальной библиотеки Франции (<http://gallica.bnf.fr>), «Le gazetier universel. Ressources numériques sur la presse ancienne» Д. Рейно (<http://gazetier-universel.gazettes18e.fr>), и ряда немецких университетских библиотек.

¹⁴ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 109—116.

¹⁵ Троицкий С. М. Дворянские проекты создания «третьего чина» // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 226—236. Перепечатано в: Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 192—204.

¹⁶ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. № 53. Л. 128 об.

¹⁷ Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 317 (письмо к А. М. Голицыну от 14/25 января 1763 года).

¹⁸ Кочеткова Н. Д. Фонвизин и Волковы // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 115.

¹⁹ Fortgesetzte Neue Genealogisch-Historische Nachrichten. Leipzig, 1764. Т. 23. S. 898; [Nouvelles de] Amsterdam. 1763. № 14 (18 fevr.). Suite. P. [1]. Таким образом, 23—28 января /

скорее всего, Фонвизин прибыл в Москву не ранее середины февраля. Это могло бы объяснить до сих пор не отмечавшийся факт: перевод Фонвизина не был единственным переводом заметки де Буляра о французском дворянстве: в соответствующем деле комиссии, исследованном Троицким, сохранилось два перевода: один из них — фонвизинский, известный еще по двум рукописям,²⁰ второй же — значительно уступающий ему по качеству, чрезвычайно буквальный.²¹ Неизвестно, что стало причиной существования двух этих переводов, в нашем случае важно лишь свидетельство, что в короткий промежуток времени де Буляра достоверно перевел не Фонвизин. Поэтому, даже если предположить, что русский перевод описания маскарада был выполнен существенно позже самого описания, вопрос о Фонвизине как переводчике «Поражения пороков» должен быть рассмотрен с очень большой долей осторожности.

Чрезвычайно важным для понимания статуса публикуемого текста является указание де Буляра на то, что И. И. Бецкой осуществлял не только техническое,²² но и содержательное руководство подготовкой маскарада, а также курировал создание его обширного французского описания: «Все сие (т. е. маскарад. — А. К.) производилось под смотрением и учреждением (...) действительного камергера Бецкого, которого старанием на французском языке сие моралическое исполнение всем оного маскарада предметам сделано чрез г. Дебуларда» (л. 7). Немаловажно и замечание в письме де Буляра императрице: «чрез наилучшие (...) на все наставления постигал я мудростию наполненное намерение, с которым Ваше императорское величество приказали произвести такое великолепное празднование» (л. 6). Если эти указания верны, то описание де Буляра следует признать наиболее авторитетным источником для реконструкции идейного содержания маскарада. По сути, от того, как будут поняты эти «старание о моралическом исполнении» Бецкого и «наилучшие наставления», зависит источниковая ценность публикуемого труда. Как появилось это сочинение? Кто был инициатором его создания? Откуда брал де Буляр свои сведения? Все это — вопросы, о точном ответе на которые можно лишь догадываться. Между тем, они должны быть поставлены, и хотя для ответа на них почти отсутствуют иные сведения, кроме самого текста описания, на основании него все же можно выдвинуть некоторые соображения.

Наиболее отчетливо о процессе своей работы над описанием де Буляр говорит в кратком предисловии: «Французское (...) истолкование сделано, или лучше сказать вымышлено (по-видимому, фр. *inventé*. — А. К.) (...) с письменного перевода, который сделан с русского печатного, сверх того по очевидному свидетельству всего оного происшествия ревность и истинное понятие награждали незнание русского языка» (л. 7). Основные положения этого высказывания («лучше сказать вымышлено», «с письменного перевода, который сделан с русского печатного», «по очевидному свидетельству») указывают на пласты различной степени достоверности, содержащиеся в тексте. В сочинении де Буляра соединяются данные печатной программы Хераскова—Волкова—Сумарокова; свидетельства очевидца о том, как выглядели отдельные группы маскарада, и, наконец, собственное воображение ав-

3—7 февраля 1763 года можно ограничить пребывание в Шверине Фонвизина, описанное им в «Чистосердечном признании»: «У шверинского двора не показался я невеждою (...) поведением своим приобрел (...) благоволение герцогини и одобрение публики» (Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 94).

²⁰ РГАДА. Ф. 1261 (Воронцовы). Оп. 1. № 2809; Ф. 370. Оп. 1. № 53. Л. 44—52 об.; АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». № 5632—5640. Ссылка на последнее дело приведена по: Макогоненко Г. П. История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его литературного наследия // Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 641. К. В. Пигаревым приведен другой шифр: Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп. 169. № 6. Ч. 6. Л. 1—10 (Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 293). Ознакомиться с делом de visu при подготовке настоящей публикации не удалось.

²¹ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. № 53. Л. 53—59 об.

²² См. об этом: Ф. Г. Волков и русский театр его времени... С. 159—162.

тора, дающего правоучительное толкование сценам маскарада. Стоит остановиться на каждом из этих пластов и попытаться понять, в какой пропорции они соотносятся в описании де Буляра.

Прежде всего, не вызывает сомнения, что им была использована печатная программа маскарада. И дело не только в том, что, за исключением нескольких незначительных моментов, он очень последовательно повторяет тот порядок шествия, который представлен в программе Волкова. Наиболее отчетливо текст де Буляра и печатные русские известия о маскараде (брошюра «Торжествующая Минерва» и афиша маскарада) соотносятся там, где он описывает обстоятельства его проведения:

Афиша маскарада

1. Сего месяца 30, февраля 1 и 2, то есть в четверток, субботу и воскресенье по улицам Большой Немецкой, по обоим Басманным, по Мясницкой и Покровке от 10 часов утра за полдни будет ездить большой маскарад (...) По возвращении оного к горам, начнут кататься и на сделанном театре представят народу разные игральщица (...) Кто оное видеть желает, могут туда собираться (...) в маске или без масок, кто как похочет, всякого звания люди.

2. ... на сделанном на то театре представят народу разные игральщица, пляски, комедии кукольные, гокус покус и разные телодвижения, станут доставать деньги своим проворством охотники бегаться на лошадях и прочее. Кто оное видеть желает, могут туда собираться и кататься с гор во всю неделю масленицы, с утра и до ночи.

Описание де Буляра

1. Сей маскарад представлялся народу в Москве 30 января, 1 и 2 февраля 1763 года. Он шел улицами Немецкой слободы, обеими Басманными, Мясницкою и Покровскою от десяти часов утра до полудня. Около сего часа приходит он к построенным близ четырех гор теремам, в которые впускаемы были всякого чина и звания люди, и где всякий по своему желанию мог пользоваться разными забавами, приготовленными к тому по соизволению Ее императорского величества. Она соизволила, чтоб тут не было ни в чем недостатка и чтоб весь народ в масках и без масок был во всякое время во оные пускаем. (Л. 7)

2. В приличных местах поставлены были на козлах шесть малых театров, где представлялися народные позорища, как то кукольные комедии, пляска, хитрая скачка, искусство, проворство, играение в кости и прч.

Теремы, амфитеатры и средняя площадь все дни масленицы отверсты были всякий час для всего народа, где каждый мог пользоваться забавами, какими хотел.

Все четыре скаты им также были отверсты, и они могли тут казать свое проворство и легкость. (Л. 22)

Порядок работы де Буляра с печатной программой не вызывает сомнений. Сперва с русского печатного текста был сделан письменный перевод; на его основании де Буляр, несколько изменяя грамматические конструкции, создал свое описание, и таким образом в обратном русском переводе «гокус покус» превратился в «искусство», «разные телодвижения» в «хитрую скачку», и т. п.

Текст печатной афишки о маскараде и его описание, составленное Волковым, стали основными источниками текста де Буляра: они, хотя местами и в несколько измененном виде, попали в него почти дословно. Вместе с тем ни хоры Сумарокова, ни стихотворные изъяснения, созданные для маскарада Херасковым, во французском тексте использованы не были — ни одного текстуального соответствия мне найти, во всяком случае, не удалось. Что было причиной этого — желание де Буляра создать собственное толкование или же отсутствие переводов стихотворных текстов — остается лишь догадываться.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что де Буляр как очевидец отмечал в своем описании какие-то детали, отсутствовавшие в печатной программе, хотя с точностью определить круг подобных свидетельств достаточно сложно. Прежде всего обращают на себя внимание детали, отсутствовавшие в брошюре «Торжествующая Минерва», но находящие подтверждение в свидетельствах современников и документальных источниках.

Так, чрезвычайно важная деталь описания, дающая представление о структуре маскарада, — указание на актеров (они названы де Буляром «маршалами»), предшествовавших большинству из групп, причем в каждом случае одежда такого предводителя соответствовала основной идее, выражаемой группой («Момус, бог пересмешства» — «Маршал на коне в дурацком платье»; «Несогласие» — «Маршал на коне с змеиными волосами, одет в платье черного и огненного цветов»; «Бог спеси» — «Маршал на коне в турецком платье», и т. п.). Эта деталь подтверждается указанием на нее в книге П. И. Сумарокова «Черты Екатерины Великия» (1819): «Придворные актеры разъезжали верхами при отделениях для распоряжения».²³

Более существенными, однако, для понимания степени достоверности сообщаемых де Буляром сведений, оказываются сообщения о двух последних, дополнявших описание Волкова, группах. В первой из них угадывается то, что в программе Волкова было обозначено словами «Диянина гора»: «Большие сани на шестидесяти оленях с дияниною горою, покрытою деревьями и кустарником, составленною из разных крутых холмов <...> Изловленные пятнадцать оленей и множество другой разной дичи <...> Шестьдесят человек охотников <...> в приличных платьях бегают вслед зверей и утешают некогда слух своею приятною музыкою, приводят в движение сию огромную махину, коей успех приобретет честь тем, которые ее выдумали, учредили и произвели» (л. 20 об.—21). Упоминает де Буляр и звуковое сопровождение этой группы, роговую музыку. Восторженное описание, которое приводит для этой группы де Буляр, полностью подтверждается ее упоминанием в рассказе об этом явлении русской музыкальной культуры из «Записок о музыке и танцевальном искусстве» Я. Штелина: «В аллегорическое маскарадное шествие по Немецкой слободе и части города Москвы на масленичную неделю 1763 г. она (роговая музыка. — А. К.) блистательно исполнила свою роль, когда была размещена в кустарнике на вершине искусно устроенной горы Дианы, где подлинно шла охота на оленей, косуль, кабанов, лисиц и зайцев [zwischen erlegten wirklichen Hirschen, Rehen, wilden Schweinen, Füchsen und Hasen], и которую тянули по улицам 22 пары украинских волов».²⁴

Очень ярко описана у де Буляра и группа, завершавшая маскарад: «Восемь больших саней, каждые везутся шестью лошадьми, имея на себе по венецианской с гондольщиком и гребцами гондоле, которые кажутся быть в воде. Они все наполнены различных видов масками и окружены великим числом людей, представляющих разные народы, покоренные сему обширному государству, которые для общего и собственного удовольствия стекаются быть свидетелями всея славы, которою покрывается Северная Минерва чрез мудрые и милосердые свои намерения» (л. 21 об.). Ранее скудные сведения об этой группе можно было получить лишь из документов 1763 года. По-видимому, она включала ту «баржу», о проезде на которой императрицы в «шкиперском платье» вместе с придворными в начале первого и второго дней маскарада и в заключение второго сообщает камер-фурьерский журнал.²⁵

²³ Сумароков П. И. Черты Екатерины Великия. СПб., 1819. С. 40. Можно указать и на другое совпадение текстов де Буляра и П. И. Сумарокова: у де Буляра в описании группы Минервы присутствует указание на то, что у ее ног сидел Марс (иконологический символ наступления мира и расцвета наук; л. 20). Этот персонаж отсутствует в печатном известии Ф. Волкова, однако П. И. Сумароков пишет: «Тут восседал Марс <...> в доспехах. Здесь катилась Паллада» (с. 39). Наличие этих деталей у П. И. Сумарокова, одного из первых историков начального периода русского театра, позволяет предположить, что в его распоряжении могли находиться оставшиеся от его дяди (А. П. Сумарокова) рабочие материалы, относившиеся к маскараду.

²⁴ Jacob von Stählin's ... Nachrichten von der Musik in Rußland // Beylagen zum neueränderten Rußland. Riga; Leipzig, 1770. Th. 2. S. 121—122.

²⁵ «30 числа (января. — А. К.) <...> Ее императорское величество <...> изволила иметь выход в барже, поставленной на полозках, в числе 10-ти персон, а прочие кавалеры, дамы, фрей-

Трудно объяснить, почему де Буляр не упоминает об этом появлении императрицы в составе маскарада. Личное участие Екатерины II в увеселениях было одним из важных эпизодов придворной жизни конца 1762 — начала 1763 года, о чем свидетельствует не только упомянутый камер-фурьерский журнал, но и отзывы иностранных дипломатов.²⁶ Показательно, что краткое сообщение о маскараде, появившееся в марте в «Gazette de France», как его основную особенность также отмечало именно появление императрицы в составе процессии.²⁷ Частому появлению императрицы инкогнито среди подданных на «малых» масленичных маскарадах уделено важное место и в «Предупреждении» де Буляра: «[Во всех увеселениях двора есть] нечто, превосходное над всем (...) Это та маска, обильная в превращениях, которой, однако ж, они мало скрыться помогают. Ее предают иногда быстрый разум, коего никто не имеет (...) иногда звоном голоса, который не может много прмениться, открывается (...) иногда сею поступью, которой величество обкло открывать лице государыни, иногда радостью, всегда ожидаемою и всегда новою (...) которую приобретают государи снисходительным их с нами обхождением» (л. 8 об.). Можно предположить, что либо появление императрицы в составе процессии было информацией для немногих, либо что группа гондол не была тождественна императорской «барже», и де Буляр, наблюдавший маскарад в его первый или последний день, мог не быть свидетелем проезда императрицы. Наконец, не исключено, что в описании завершающей группы маскарада он лишь воспользовался предоставленным ему подробным планом маскарада, где прямого указания на проезд императрицы, скорее всего, не содержалось.²⁸

Пожалуй, наиболее явным свидетельством использования подобного текста де Буляром может служить следующий фрагмент в описании упомянутой группы «горы Дианы». Сообщая о ней в основном тексте: «Большие сани на шестидесяти оленях с дьяниною горою» (л. 20 об.; ср. ниже удивление создателями этих саней, которые «надлежало вести оленям, зверям больше проворным, нежели сильным», л. 21), он, между тем, делает к этому месту примечание, приходящее в соответствие со свидетельством Штелина: «за неимением оленей везена была сия гора пятидесятью быками».

лины ехали в разных фигурных санях, и со всею оною свитою изволила прибыть в дом к его превосходительству Ивану Ивановичу Бецкому, где из состоящего на большую улицу покоя, сделанного наподобие фонаря, изволила смотреть следующего по улицам публичного маскарада»; такой же выход императрицы со свитой повторился перед шествием маскарада 1 февраля, в тот день «по окончании стола (в доме Бецкого. — А. К.) изволила прогуливаться в барже по улицам и проезжать в село Покровское на горы» (Журналы камер-фурьерские, 1763 года. [Б. г., б. м.]. С. 22—23, 26); о «шкиперском платье», барже и гондолах упоминается в ведомости расходов на подготовку маскарада (Ф. Г. Волков и русский театр... С. 159—162).

²⁶ Уортман Р. Сценарии власти... С. 163.

²⁷ «Вся масленица была отмечена балами, праздниками и увеселениями; в последние же дни давался особенный спектакль для обычного народа. Добродетели и пороки, представленные в лицах с их атрибутами, были везены на богато украшенных колесницах по всем большим улицам этой столицы. Ее императорское величество после наблюдения шествия этого маскарада 1 и 2 числа этого месяца (в подлиннике очевидная опечатка — 12 числа. — А. К.) выходила и шествовала по городу в повозке, имевшей форму венецианской гондолы. Ее сопровождала свита из большого числа придворных, а за ними следовало огромное множество повозок различной формы» (Gazette de France. 1763. № 25 (28 mars). P. 113). Это сообщение было перепечатано в майском номере «Suite de la Clef». Помимо маскарада, в нем сообщается также кратко о горах, устроенных для развлечения народа, болезни великого князя Павла Петровича, представлениях, данных в конце января придворными, а также об аудиенциях австрийскому и шведскому посланцам.

²⁸ Ср. скрытое указание на появление императрицы в завершении программы представленного придворными 25 января балета «Сражение любви и разума»: «Молодая госпожа, помещица сего приятного места, приходит, поздравляет сих знатных супружников, и просит, чтоб они брак свой отправили в ея замке, на что все соглашаются, и балет оканчивается разными увеселениями» (Балет, называемый Сражение любви и разума, представленной в покоях императорского дворца некоторыми дамами и кавалерами придворными, для увеселения е. и. в., Екатерины II Вторых. М., 1763).

Можно предполагать, что, наряду с этим местом, иконологическим по своей природе,²⁹ тот же исходный план маскарада мог быть использован де Буляром и в ряде описаний персонажей маскарада, достоверность шествия которых по зимним улицам Москвы вызывает сомнения. Так, например, в описании обмана: «его везут в санях лисицы, а окружают проектеры <...> Сей бог имеет два лица, держит в одной руке сети, чтоб кого-нибудь опутать, в другой уду, а перед ним по дороге силки и отверстые клетки, наполненные семенем» (л. 13), — сомнения вызывают не только возницы, но и возможность расстановки (и постоянной перестановки) «силков и клеток» на пути следования саней с этой аллегорией. Особое сомнение вызывает появление в тексте де Буляра полуобнаженных женщин: такими предстают не только Венера и грации, но и, например, взятка — «Аксиденция есть старуха высокого роста, нагбенна собственною своею тягостью <...> Рот, наполненный черными острыми зубами, подбородок острый, тело жидкое и смуглое, груди открытые и повислые, из коих истекает синего цвета молоко, водочный запах имеющее» (л. 13а). Подобные фигуры были бы хороши под теплым итальянским небом, но поверить, что они могли появиться в московский февральский мороз, можно лишь с трудом.

Использование рабочих материалов подготовки маскарада делает, таким образом, описание де Буляра ценным в первую очередь не описанием отдельных деталей процессии (по большей части нам неизвестно, были ли они действительно представлены на московских улицах), но впервые настолько последовательно явленным в нем изложением содержательной части маскарада, начиная от мелких замечаний³⁰ и заканчивая изложением его общей концепции.

В связи с этим хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний о тех местах в описании де Буляра, которые, как кажется, представляют наибольший интерес для реконструкции основных намерений устроителей при проведении маскарада.

В первую очередь, текст де Буляра дает чрезвычайно богатый материал для интерпретация «Торжествующей Минервы» как прежде всего нравоучительного, осмеивающего пороки в целом, представления. Об этом говорит не только известная краткая печатная афиша маскарада, где объявлялось, что в нем «изъявится гнусность пороков и слава добродетели», и процитированная ранее краткая характеристика маскарада, данная в стихах Хераскова («Чтоб мерзость показав пороков, честность славить»), но и ряд иных свидетельств. Так, позже Болотов вспоминал, что «маскарад сей имел собственною целью своею осмеяние всех обыкновеннейших между людьми пороков»,³¹ а Я. Штелин в своих «Записках» характеризовал маскарад как «аллегорический, или вернее сатирический» («Auszug einer allegorischen oder vielmehr satyrischen Mascarade»).³² Характерно и то, что финальной частью напряженной работы над печатной программой маскарада, известной не менее чем в трех вариантах, стала замена на титуле и в конечном виньете волковского описания нейтральных изображений Амура, использованных ранее

²⁹ Ср. других существ, возивших, в соответствии с иконологической традицией, сани персонажей маскарада: Пан (козлы), Вакх (тигры), Несогласие (змеи), Обман (лисицы), Лениость (ослы), Злословие (гарпии), Венера (лебеди), Золотой век (овны). Из этих возниц вполне достоверными могут быть признаны только ослы; даже козлы и бараны вызывают сомнения, не говоря об очень сомнительных лисицах и явно недостоверных тиграх, змеях, лебедях и гарпиях. Можно предполагать, что во всех этих случаях речь шла о различно устроенных декорациях, указание на что можно найти в описании саней Венеры, о которых хотя и сказано, что везли их лебеди, но ниже о всей группе замечено: «Вся сия свита везется восьмью мужчинами и восьмью женщинами».

³⁰ Ср. в описании группы цыган — «от них безумец не может остеречься, разумный же умеет удалиться»; группы колдунов и колдуний — «Те, кои поднесь еще страшатся колдунов, не будут никогда почтены ими, дьявольские же крючки бессильны против правды, искренности и рассудка, если сии подадут взаимную себе помощь», и т. п.

³¹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Стб. 389.

³² Jacob von Stählins ... Nachrichten von der Musik in Rußland. Th. 2. S. 162.

Московским университетом при печати торжественных речей и стихов к тезоименитству Екатерины II, на гравюры сатира и маски Вакха — этим подчеркивалось, что основной упор в маскараде делается именно на обличении пороков.³³

Описание де Буляра дает, пожалуй, наиболее последовательную трактовку подобного нравоучительного содержания «Торжествующей Минервы». Прежде всего, он отмечает, что идея маскарада была предложена Екатериной II как продолжение придворных и дворянских торжеств зимы 1762—1763 года, предназначенное «нарочно» не для «дворян и вельмож», а для «великого числа бедных, коим природа бывает первым для них несчастьем, ибо с самого часа их жизни похищает она у них свободу, что всего драгоценнее». Причем намерение императрицы оказывается двойным — она «повелевает делать... подвижные маскарады, которые, идучи при их воротах, будут веселить и наставлять». Нравоучение намеренно преподносится императрицей под видом обычного увеселения — «Станут сами себя осуждать, если найдется сходствие, и смеючись всем аллегорическим лицам, которые, как кажется, ходят по улицам только им во увеселение... Никогда не происходит из того худа, что правду говорят смеючися, а представляют в приятном образе» (л. 9—9 об.). Таким образом, для описания де Буляра оказывается совершенно гармоничным открывающий маскарад образ бога-пересмешника Мома, который появляется у него не только в собственной группе, но и в группах мздоимства («Здесь говорится о судьях... вообще. Тот будь проклят, кто зло мыслит о ком-нибудь порознь! ...если есть такие, коим сия правда... досаждает, тем Момус советует исправляться и не жаловаться» — л. 13а об.), «Превратного света» и спеси. Таким образом, в описании де Буляра Мом предстает олицетворением сатиры не на лица, а на нравы, олицетворяя в целом все сатирическое направление маскарада, характерное и для развития русской комедии 1760-х годов, и для сатирических журналов Екатерины II 1769 года.

В связи с общей нравоучительной установкой принципиально важным в описании де Буляра оказывается то, что он очень последовательно связывает идею маскарада со временем его проведения — последней неделей перед Великим постом. По его мнению, «Ее императорское величество достигает высшей степени мудрости, производя полезное из забавного, и приготавливая оный народ к важным представлениям строжайшего времени разумным увеселением народного маскарада» (л. 9 об.). Уникальность маскарада, по его мнению, состоит в том, что если «во всем свете, у всех народов в такое же почти время» карнавалы проводятся «лишь с большею или меньшею опасностью к повреждению нравов», то задуманный Екате-

³³ Наиболее подробное сравнение экземпляров «Торжествующей Минервы» приведено в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» (М.; Л., 1966. Т. 3: Р—Я. С. 236), а также в каталоге Н. Н. Мельниковой «Издания, напечатанные в типографии Московского университета. XVIII век» (М., 1966. С. 47—48). К сожалению, данные этих описаний зачастую не учитываются, и о различиях вариантов не упоминается даже в работах, специально посвященных «Торжествующей Минерве» как книжному памятнику (*Король Н. Н. «Торжествующая Минерва» в книжных памятниках XVIII века // История театра в архивных и книжных собраниях. М., 2011. С. 269—271*). Виньеты ранних вариантов «Торжествующей Минервы» были ранее использованы в следующих изданиях: *Аничков Д. С. Слово на торжественный день тезоименитства Ее императорского величества, всепресветлейшия державнейшия великия государыни Екатерины Алексеевны, императрицы и самодержицы всероссийския, говоренное в публичном собрании Императорского Московского университета ноября 26 дня 1762 года. М., 1762; Херасков М. М. Епистола ко всепресветлейшей, державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, принесенная в день тезоименитства Ее императорского величества Московским университетом. Сочинял Михайло Херасков. 1762 года, ноября 24 дня. М., 1762 (в обоих изданиях — идущий геней со свирелью); *Kerstens J. C. Daß die Ehre und die Wohlfahrt eines Landes eine Folge von der Aufnahme der Wissenschaften sey, wurde in einer Rede an dem höchsterfreulichen Namenstage der ... Kaiserin Katarina der Zweiten. Moskau, 1762 (геней с лирой)*. Во всех трех сочинениях, приуроченных к университетскому празднованию дня тезоименитства Екатерины II, прозвучала важная для реконструируемой структуры маскарада идея: подлинное развитие наук возможно только при том условии, что они находят себе основу в добродетели.*

риной II маскарад «в то время, в кое беспорядок, если можно так сказать, дозволен, отвлекает он бесчисленный народ от пьянства, игры, а тем от ссор и драк опасных и от прочих злодеяний. Это еще не все: он вводит их в полезное любопытство, пристрастие души, которому подвержены все и кое может быть сильнее в невеже и невольнике, коего в таких людях нельзя удовольствовать лучше, как в уставленное обычаем время забывать им свои огорчения и отдыхать от своих всегда возобновляющихся» (л. 10). Таким образом, можно говорить, что организацией маскарада «Торжествующая Минерва» Екатерина II старалась не только ввести в Москву традиционный для европейской городской культуры масленичный карнавал, но и пыталась отчасти перекодировать сам смысл масленичных гуляний в соответствии с религиозными требованиями: масленичная неделя для простого народа должна была быть посвящена не разгулу, а нравственному очищению перед Великим постом.

Этот акцент в торжестве на низших слоях населения, подчеркнутое представление о их «невежестве» и необходимости их воспитания и приобщения к добродетели с учетом рассмотренной выше зависимости текста де Буляра от предоставленных Бецким рабочих материалов маскарада закономерно заставляют рассматривать «Торжествующую Минерву» в том числе и в контексте педагогических проектов первых лет царствования Екатерины II (мысль эта ранее была высказана Погосян). Даже если размышления, опоясывающие основной текст описания, представляют собой собственный труд де Буляра, можно полагать, что общая идея маскарада — воспитать из невежественных «невольников» «третье сословие», вопрос о котором занимал важное место в политической деятельности императрицы в первые месяцы 1763 года (они отразились в том числе и в рассуждении де Буляра о вольности дворянства), — могла быть сообщена де Буляру Бецким. Так, в важнейшем педагогическом труде Бецкого, «Уложении о воспитании юношества обою пола» (1764), недостаточное распространение наук и художеств, а также собственно отсутствие «третьего чина» в России объяснялось именно врожденным невежеством людей, «из подлости взятых», и объявлялось, что прежде чем учить их наукам, следует их сперва воспитать, и только так может быть создана «новая порода» людей.³⁴ Эта идея «новых людей», очистившихся от пороков и принявших добродетель, развивается де Буляром в подробном описании групп Вулкана и Юпитера, лишь кратко обозначенных в описании Волкова и почти пропавших из стихов на маскарад Хераскова, и между тем занимающих важнейшее место в композиции маскарада:³⁵ «Вулкан, которому человеческие заблуждения приводят на память домашние его беспокойствия. Сей бог... охотно согласует намерению юпитерову ко истреблению злодейства поразить всех смертных громом, и для того спешит заготовить оный в наказание виновным, кои в преступлениях превзошли всю меру... Отец богов и человеков (...) в правой [руке] держит гром (...) Сей гром пускается наконец на смертных, утопающих в злодеянии, кои большею частью не стараются отвратить небесного гнева. Они превращаются в пыль, из их праха рождается род, который тем будет благополучнее, что не станет знать прежних злодеяний» (л. 17 об.). Таким образом, описание де Буляра позволяет с большой определенностью говорить, что маскарад «Торжествующая Минерва» создавался его авторами и в первую очередь — Бецким как образец той образовательной политики, в которой основное место отводилось воспитанию, и лишь на его основе, после очищения от пороков, могли развиваться науки и художества. Общая композиция маскарада: обличение пороков — истребление порочных и рождение добродетельных людей — развитие искусств под покровительством Минервы, — позволяет читать аллегорию «Торжествующей Минервы» именно в этом смысле: науки и художества могут развиваться лишь в государстве, где воспитанием добродетельных людей будет создан третий чин.

³⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 16. С. 669.

³⁵ Идея о подобном — очистительном — значении группы Вулкана для композиции маскарада была высказана ранее в неопубликованной магистерской диссертации Гончаренко.

Высказанными соображениями, конечно, не ограничиваются новые сведения о маскараде «Торжествующая Минерва», сообщаемые в публикуемом тексте. Хочется надеяться, что он привлечет к себе внимание специалистов по истории русской культуры середины XVIII века и позволит сделать немало наблюдений, значительно более содержательных, чем это можно было сделать при первом его прочтении.

* * *

В Приложении публикуются два описания маскарада «Торжествующая Минерва», составленные де Буляром, — краткое, предназначенное для европейской прессы и несколько раз переиздававшееся,³⁶ — и полное, сохранившееся в рукописи.³⁷ Целесообразность публикации краткого описания обусловлена не только тем, что именно из него европейский читатель мог получить наиболее полную информацию о маскараде, но и тем, что по нему можно судить, что привлекло в нем французского зрителя в первую очередь. Помимо прочего, в нем представлено наиболее подробное из имеющихся описание масленичных катальных гор у Головинского дворца.

При публикации рукописного текста его орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами; в случаях, когда принятое решение не представляется однозначным, в примечаниях приводится подлинный вариант. При передаче исправлений в основном тексте оставлены окончательные варианты; исправленный вариант представлен в примечаниях. Утраченный текст, восстанавливаемый по смыслу, приводится в угловых скобках.

В комментариях к публикуемому тексту указываются в первую очередь соответствия отдельных фрагментов описания с другими известиями о маскараде, а также ряд необходимых пояснений. В комментарии используются следующие сокращения: Волков — Ф. Г. Волков и русский театр его времени. М., 1953; КФЖ — Журналы камер-фурьерские, 1763 года. [Б. г., б. м.].

³⁶ Gazette de Cologne. 1763. № 27 (5 avr.). P. [2—3]. За подготовку к печати французского текста и существенно улучшившие его перевод замечания сердечно благодарю П. Р. Заборова. Французский подлинник приведен в соответствие с современными орфографическими и пунктуационными нормами с сохранением ряда грамматических черт, характерных для языка эпохи.

³⁷ РГБ. Ф. 16 (Я. Л. Барсков). Карт. 29. № 2. Л. 6—22 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

De Moscow, le 28 Février.

S. M. l'Imperatrice de *Toutes les Russies* ayant toujours en vue d'épurer les mœurs & le goût de son peuple, voulut que le tems le plus privilégié pour les plaisirs fût employé à un but si sage, & que la quantité innombrable de ses sujets, qui étoit assemblée dans cette capitale pendant le Carnaval passé, détournée des divertissemens grossiers, trouvât dans les amusements publics de quoi s'instruire, se corriger & s'élever. Elle n'auroit pu rencontrer un exécuteur plus éclairé, plus ingénieux & plus actif pour ce projet qu'Elle n'a fait en M. de *Betzky*, Sur-intendant de ses bâtimens, jardins & arts. Il a imaginé une fête allégorique ayant pour sujet: *Le Triomphe de Minerve* sur les vices & les passions des hommes. L'idée, l'ordonnance & la magnificence de ce spectacle font également honneur aux intentions de la Souveraine & au génie de l'Invente-

ur. Il fut donné ici les 30 Janvier, 1 & 2 Fevrier. Le train suivant passa par les principales rues de ladite ville, pour se rendre au Palais des 4 Montagnes.

Toute la Mascarade étoit divisée en 16 entrées, dont les onze premières représentèrent les vices & les ridicules les plus communs aux hommes, comme l'Ivrognerie, la Débauche, la Discorde, le Jeu, l'Avarice, la Prodigalité &c. Toutes ces passions personnifiées avoient chacune avec elles son orchestre & sa suite, où l'on avoit employé tout ce que la mythologie & l'imagination pouvoit fournir de plus expressif pour les caractériser. Ensuite parut *Jupiter* lançant sur les coupables mortels les foudres, que *Vulcain* & ses *Cyclopes* forgeoient devant lui. Cette entrée fut suivie de celle de l'Age d'Or, retournant sur la terre avec la *Paix* & *Apollon*. Enfin l'on vit *Minerve* descendant du ciel avec la Vertu & accompagnée des Arts. A ces 14 entrées on en avoit ajouté encore deux autres comme des espèces de hors d'œuvres, dont la première fut de *Diane*. On menoit devant elle un traîneau tiré par 60 boeufs & portant une machine énorme, qui représentoit tout un coteau de collines de 60 chasseurs, occupés à poursuivre des cerfs & autres gibiers. La dernière entrée étoit composée d'une troupe de masques de toutes sortes dans 8 grands traîneaux.

Le Pavillon des 4 Montagnes fut ouvert à tout le monde & à toute heure. Sur le grand théâtre au fond se donnèrent toutes sortes de spectacles, comme tragédies, comédies, opéras &c. & il y avoit dans d'autres endroits 6 petits théâtres, où s'exécutèrent les spectacles pour le peuple, comme marionnettes, sauteurs &c. Dans le Pavillon même, au parterre & aux deux amphithéâtres, qui sont aux deux côtés du grand théâtre, il y avoit à chacun ses deux glissoires, bâtis de glace; on y avoit préparé toutes sortes de divertissements, auxquels tout le monde pouvoit participer. Les 4 glissoires répondoient à des terrains entourés de barrières en forme de promenades où se faisoient les courses aux chevaux, les parties de traîneaux & autres désirs du pays. Le dernier jour tout le Pavillon fut illuminé & les 4 Montagnes jetèrent toutes sortes de feux artificiels.

Перевод:

Из Москвы, 28 февраля.

Е. В. императрица всероссийская, неустанно заботясь об очищении нравов и вкусов своего народа, пожелала, чтобы время, предназначенное преимущественно для удовольствий, послужило и для столь разумной цели и чтобы несчетное множество ее подданных, собравшееся в этой столице на прошедшей масленице, отвлеченные от грубых развлечений, нашло в публичных увеселениях нечто для себя поучительное, исправляющее и возвышающее. Для осуществления этого проекта она не могла встретить исполнителя более просвещенного, более искусного и более деятельного, нежели господин Бецкой, главный управляющий строениями, парками и художествами. Он сочинил аллегорический праздник на следующий сюжет: «Торжество Минервы над людскими пороками и страстями». Идея, расположение и величие этого представления в равной степени делают честь как намерениям самодержицы, так и таланту его сочинителя. Он был дан здесь 30 января; 1 и 2 февраля. Описанный ниже поезд прошел по главным улицам сего города, завершившись у дворца с четырьмя горами.

Весь маскарад был разделен на 16 групп, из которых первые одиннадцать представляли пороки и заблуждения, более всего свойственные людям, такие как пьянство, блуд, несогласие, игра, скупость, расточительство и др. Олицетворения всех этих страстей шествовали каждое со своим хором и своей свитой, и было употреблено все самое выразительное, что мифология и воображение могли найти для их изображения. Затем появлялся Юпитер, метавший в преступных смертных молнии, которые у него на глазах выковали Вулкан и циклопы. За этой сценой следовал Золотой Век, возвращавшийся на землю вместе с Миром и Аполлоном.

Наконец на глазах у всех Минерва спускалась с неба вместе с Добродетелью в сопровождении Художеств. К этим 14 сценам были прибавлены еще две других как дополнение к основной части, из которых первая была посвящена Диане. Она состояла из помоста, который тянули 60 быков, и на коем была помещена огромная машина, представлявшая холмистую местность, где 60 охотников преследовали оленей и иную дичь. Последняя сцена состояла из группы всевозможных масок на восьми больших санях.

Павильон с четырьмя горами был открыт для людей всякого звания и во всякое время. На большом театре в основании давались всевозможные спектакли, как то трагедии, комедии, оперы и т. п. В других же местах было устроено еще шесть малых театров, где давались представления для простого народа, как то кукольные, акробатические и т. п. В самом же павильоне, в партере и двух амфитеатрах, устроенных по сторонам большого театра, на каждом было сделано по две ледяных горы и были приготовлены всевозможные развлечения, в которых могли участвовать люди всякого звания. Вокруг каждой из этих четырех гор было свободное место, где устраивались бега, гонки на санях и прочие местные увеселения. В последний день весь павильон был иллюминирован, и с четырех гор производились всевозможные фейерверки.

2

Ея Императорскому величеству
Всепресветлейшей самодержице всероссийской

Всемиловитейшая государыня!

Я почитаю за счастье, что имею честь представить Вашему величеству аллегорическое содержание того увеселения, которое вы всемиловитейше соизволили указать сделать для своего народа в Москве. Скорое исполнение и приятное изобилие сего нравоучительного изъяснения составляет все его достоинства; однако таковая скорость в подобных случаях не должна возбуждать удивления. Я знал, что Ваше императорское величество наблюдает правду, и так оставалось мне, следуя моей склонности, вещать только оную, а она внушаема была мне всем, что меня ни окружало.

Единодушие россиян к прославлению настоящего их благополучия допускало меня, проникая до глубины их сердца, познавать истинные их чувствования, тогда как я говаривал с ними о их самодержице; чрез наилучшие же на все наставления постигал я мудростию наполненное намерение, с которым Ваше императорское величество приказали произвести такое великолепное празднование.

Я бы желал, всемиловитейшая государыня, иметь более достоинств для лучшего изъяснения всея надобности таковой похвальной политики, и чтоб слава учинила меня более достойным к произведению предприятого мною дела; но, однако, не упустил бы я никакого случая быть истинным провозвестником всего удивляющегося мира и явить робостное желание всегда умножающихся преданности, с чем в наиглубочайшем почтении есмь,
всемиловитейшая государыня,

Вашего императорского величества
всепокорнейший, всенижайший
и всепослушнейший слуга

Поражение пороков
и возвращение золотого века,
или
Победа Минервы и добродетели над человеческими страстями

Всенародный маскарад

Сей маскарад представлялся народу в Москве 30 января, 1 и 2 февраля 1763 года. Он шел улицами Немецкой слободы, обеими Басманными, Мясницкою и Покровскою от десяти часов утра до полудня. Около сего часа приходит он к построенным близ четырех гор теремам, в которые впускаемы были всякого чина и звания люди, и где всякий по своему желанию мог пользоваться разными забавами, приготовленными к тому по соизволению Ее императорского величества. Она соизволила, чтоб тут не было ни в чем недостатка и чтоб весь народ в масках и без масок был во всякое время во оные пускаем.

Все сие производилось под смотрением и учреждением его превосходительства господина генерала-поручика, орденов Святого Александра Невского и Святыя Анны кавалера и двора Ея императорского величества действительного камергера Бецкого, которого старанием на французском языке сие моралическое исполнение всем одного маскарада предметам сделано чрез г. Дебуларда, Его христианнейшего величества советника.

Сие великое предприятие принято, повелено и произведено в одну неделю масленицы.¹ Французское же истолкование сделано, или лучше сказать вымышлено в сорок восемь часов с письменного перевода, который сделан с русского печатного, сверх того по очевидному свидетельству всего одного происшествия ревность и истинное понятие награждали незнание русского языка.

*Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.*²

Искусство достигнуть до всего состоит в смешении забавного с полезным.

Предуведомление

С тех пор, как сила законов, счастливо изъясненная, могла одушевить то слово, которое само собою одно бедоносно, с тех пор, как их непременные начала истолкованы свету, государи, познавая правость оных, следуют полезным их правилам, они с радостью видят, что первое их преимущество, первый их долг состоит в том, чтоб осчастливить своих подданных. Самовластие, самоудивляясь неопределенной великости своей власти, нашло наконец границы в добродеейии, чрез что стало оно еще самовластнее. Какое государство может быть ужаснее, как то, которое, содержа в своем пространстве все климаты, владычествует разными народами, может иметь отверстые гавани в разных четырех морях. Но непоколебимое государство есть то, которое основано на верности, происходящей от удивления, а возрастающей от благодарности. Благополучная Россия, ты видишь здесь твою государыню. Ликуя о твоём выборе, августейшая Екатерина желает исполнить твоё чаяние.

Владея многочисленным народом, которому сама в красу и в утешение и который она некогда прославит, спешит с самого начала начать его благоденствие. Же-

¹ Наиболее ранний известный документ о подготовке маскарада — определение московской полиции от 24 января 1763 года (пятницы предшествовавшей масленице недели) о подготовке города к праздничному шествию (Волков, с. 154). Уже 25 января императрица смотрела из Головинского оперного дома репетицию маскарада (КФЖ, с. 19). Очевидно, что описанная де Буляром машинерия не могла быть подготовлена за неделю.

² В подлиннике сноска на полях: «Горац. В „Искусстве стихотворства”».

лает осчастливить все сердца удовольствием, ею чувствуемым. Хочет прекратить в своем владении сие несчастное незнание благополучия, которое самые достоинства кажет горестными; для того повелевает, чтоб в сие время забав³ выставлена была херугофь удовольствия и утех, кои оно с собой носит; преходящее увеселение ободряет дух, как огорчения приводят оный в унылость. Если единожды вкусили благополучие, тогда уже не сопротивляются достичь совершенства, утверждающего оное навсегда.

Приобретение своему народу сего желаемого совершенства, заключающего в себе много других удовольствий, есть первым предметом Екатерины Второя. Она полагает празднества и увеселения вторым способом к достижению оного. В сем виде сия мудрая государыня к пользе обширного своего владения первые месяцы своего царствования посвятила трудам, от коих ни малое время не могла быть удалена, как только забавами, что зима в награду за свою суровость каждый год с собою приносит. В сем виде оставляет она несколько драгоценного своего времени к удовольствию первейших своих подданных, желающих явить свое восхитительное обрадование или, лучше сказать, призванных и ободренных оному вдаться в надежде, что их увеселение разделено будет с ними их самодержицею.

Сия лестная надежда не напрасна, великолепное предвидение в целые два месяца различает каждый день разными забавами. Особливое представление или новое празднество, которое августейшая императрица удостоивает своим присутствием, но что я говорю! Ее величество позволяет два раза каждую неделю иметь приезд многочисленному дворянству к своему двору, который бывает жилищем, хранилищем и храмом забав и веселий.⁴

Мельпомена и Талия представляют разные свои действия, Евтерпа и Терпсихора стараются им споспешествовать,⁵ сии четыре музы превозносятся своими следователями, которых они иногда разно, иногда соединенно выводят на Императорский Театр. Тут благородное юношество доказывает, что природа и воспитание заменяют искусство и привычку представлять чувствование духа.⁶ Женский пол с мужским стараются один пред другим преимущественно забавить обожаемую ими их государыню. Российское представление соперничествует французскому. Семира не меньше Заиры приводит в чувствительность.⁷ Москва имеет своих Ле Куврер и Баронов,⁸ Еврипид и Плавт имеют последователей. Российское дворянство, наполненное ревности, игрою одних и жаром других желает соединить разные сии дарования, иногда к приведению в чувство благородный дух трагедию, иногда утешить острый разум комедиею, иногда увеселить быстрый взор различием танцева-

³ То есть во время масленицы.

⁴ После рождества 1762 года публичные маскарады для дворян и знатных персон давались 27 и 29 декабря (среда и пятница); после этого 7 января императрицей было дано указание собирать подобные же маскарады каждую неделю до масленицы по четвергам (начиная с 9 января). Помимо этого, по пятницам знатные персоны и дворянство приглашались в маскарах и без масок в Оперный дом в присутствии императрицы.

⁵ Не вполне понятно, имеет ли здесь в виду де Буляр трагедии, комедии, музыкальные концерты и балеты, дававшиеся для широкой публики, или описываемые ниже развлечения, устраивавшиеся узким придворным кругом.

⁶ 10 января в «столовой комнате» императорского двора «играна была малыми придворными певчими (...) на российском диалекте опера» (КФЖ, с. 7).

⁷ Представления «Заиры» Вольтера и «Семиры» Сумарокова, где все роли играли высокопоставленные придворные, состоялись соответственно 27 и 29 января (императрица присутствовала также на репетиции «Заиры» 15 января). Об обеих постановках сохранились развернутые свидетельства очевидцев — английского посланника Букингемшира, М. И. Воронцова и др. За сведения о придворном репертуаре конца 1762 — начала 1763 года, отчасти представленные в работе: *Eustratov A. Le Théâtre francophone en Russie de Catherine II (1762—1796). Thèse de doctorat. Paris, 2012*, сердечно благодарю А. Г. Евстратова.

⁸ Примечание в подлиннике: «Ле Луврера (так! — А. К.) комедиянка, а Барон комедиант, славные в Париже». Имеются в виду французские актеры Адриена Лекуврер (1692—1730) и Мишель Барон (1653—1729).

ний,⁹ иногда усладить нежный слух согласием музыкального хора,¹⁰ достойного таковых действующих лиц. Сии старания удостоиваются лестной похвалы, которая единственно и ожидается. Но все сии утехи для русского лишь народа. Чужестранцы, столько жертвуя угодить, берут участие только в хвале, и сожалея, что оным не сотовариществуют.¹¹

С другой стороны, смехи и забавы в разных предстают видах; все хотят следовать Терпсихоре, которая правит ими законом согласнейшия музыки, коею Евтерпа, неразлучная ее сотоварищница, всегда ее снабдевает. Какое собрание прельщающих предметов! Ах! Если бы приятно к оным приобщиться — — — — — Венера среди русских барынь, представляющих и умножающих число граций, Венера никогда своею красотою не была толико довольна; но сия богиня сходствует с сими соперницами только в красоте. Стремление же, царствующее в ее острове,¹² не могло до их сердец проникнуть, оно ободряет только их поступь, научает их бесприторным обхождениям меж ими. Приятное утешение преимуществует пред сердечными чувствами, смехи и забавы первенствуют перед Купидонами, и Комус¹³ сам споспешествует в победе первым.

Пиршественная зала скоро наполняется числом благородных, в ней великолепный стол и разные вина подкрепляют силы и усугубляют проворство, бывшее пред сим в приятном действии. В зале танцевание, которое не меньшее же число людей в себе содержит. В ней новое собрание, кое столько же различно, сколь многолюдно, стекается со всех сторон во всякое время и показывает при лучших естественных дарованиях приятство уборов и обхождения.

Но есть еще нечто, превосходное над всем и всех привлекающее. Это та маска, обильная в превращениях, которой, однако ж, они мало скрыться помоществуют. Ее предает иногда быстрый разум, коего никто не имеет и иметь не может, иногда звоном голоса, который не может много премениться, открывается своим скорым достижением до глубины сердца, где производит он утешительное удовольствие, иногда сею поступью, которой величество обыкло открывать лице государыни, иногда радостию, всегда ожидаемою и всегда новою, видеть себя умам всех предстоящую, желанную всеми сердцами, искомую с усердием, обретенную с обрадованием и наконец узнанную с восхищением, смешанным с почтением и любовью, которую приобретают государи снисходительным их с нами обхождением.

В сем искреннем описании не могу я и себя забыть; но сие удивлять никого не должно. Нет в таковых случаях иностранца, который бы в усердии не равнялся россиянам, нет тогда в России иностранца, когда дойдет до обожания ее императрицы, и, действительно, все сии разные лица представляют Ее владычество. Они кажутся быть присланными от недоверяющих народов, которые, не утверждаясь на славе, прибыв для познания о всем чрез самих себя и нашед все носящиеся похвалы гораздо слабее подлинности, не могут и не хотят оставить то, чему они удив-

⁹ Имеется в виду, по-видимому, балет Ф. Гильфердинга «Сражение любви и разума», представленный придворными кавалерами, фрейлинами и прочими знатными людьми во внутренних покоях императорского дворца 25 января (*Evstratov A. Le Théâtre francophone...*). Балетами, представляемыми теми же персонами, сопровождалась также указанные выше постановки «Заиры» и «Семиры».

¹⁰ Известно, что музыка для балета «Радостное возвращение к аркадским пастухам и пастушкам богини весны», сопровождавшего, по-видимому, представление «Заиры» или «Семиры» (см. выше), исполнялась также придворными (*Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 466*).

¹¹ В данном случае, по-видимому, речь идет не о проблемах иностранцев с русским языком, а о том, что иностранцы не привлекались к участию в этих развлечениях, хотя присутствовали на них.

¹² Примечание в подлиннике: «Ее остров называется Пафос».

¹³ Примечание в подлиннике: «Комус — бог, присутствующий при праздничных пиршествах. Его представляют с красным лицом, с шляпою, сплетенною из цветков, в одной руке держит свечу, в другой палку, на которую опирается».

ляются или, лучше сказать, что все народы, восхищаясь добродетелями августейшая Екатерины, стекаются умножить ее двор и повергнуть к стопам ее свои искренние желания.

Сие есть истина, что любопытствующий путешественник не мнит простирать путь свой до архипелага и что находит он в Москве удивительные различия славной Венеции. Министры других европейских государей, хотя привыкли к великолепию своих дворов, но однако же удивляются преимуществу российского; и совершенно сколько вкуса, сколько различия и величества соединено вместе. Какое изобилие бриллиантов и других драгоценных камней! Какое богатство и какие украшения разного рода собраны при одном дворе! Нет довольно слов ко описанию. Само воображение или нежно представляет то, что оно видело, или недовольным находит и обычайное прибежище увеличивая; оно отсылает всех ко очевидному свидетельству. Есть некоторые вещи, кои должно видеть, чтобы после оному верить. Престанем же тревожить молчание, происходящее от удивления.

Ах! как возрастет сие удивление, когда сведают, что одна августейшая Екатерина не удовольствована толиким числом великолепных и величественных праздников. Сия мать Отечества еще недовольна, по крайней мере есть нечто, лишающее ее полного удовольствия. Ее великодушное и чувствительное сердце видит радующихся одних дворян и вельможей и мнит, что есть еще большая часть ее подданных, долженствующих иметь равную долю в общей радости. Это — то великое число бедных, коим природа бывает первым для них несчастьем, ибо с самого часа их жизни похищает она у них свободу, что всего драгоценнее. Сия последняя доля, коей число, труды, искусство, проворство, послушание, верность и храбрость составляют все силы цветущего сего государства, сия славного народа половина, другою достойная, которая наполняет число мужественных воинов, и коей неустрашимость в нужном столь случае много споспешествовала намерению глубокой премудрости, определению божественных судьбы и ревностной¹⁴ искренности молодого героя.

Нет, Екатерина Вторая не может забыть толикого числа верных подданных, гордящихся жить в ее рабстве,¹⁵ и которые, может быть, с огорчением примечают конец оно; сколь ее иго им легко, приятно и предпочтительно свободы, которая никогда не умалит возлюбленных власти. Екатерина о них печется, и ничто не может сравняться с желанием сея государыни допустить их разделять общее увеселение. Она повелевает делать нарочно для них многие представления, подвижные маскарады, которые, идучи при их воротах, будут веселить и наставлять. Всякий у своего двора, подобно своим отцам, коих Петр Великий наставлял боле опасностью осмеяния, нежели страхом наказания, найдут в забавах, кои приготавливает им августейшая их императрица, ясное нравоучение и мудрое наставление; они увидят безобразие невежества, вероломства, буянства, раздора, невоздержания, лени, скупости, обмана и неправосудия. Станут сами себя осуждать, если найдется сходствие, и смеючись всем аллегорическим лицам, которые, как кажется, ходят по улицам только им во увеселение; и тем боле могут получить отвращение от пороков, что добродетель и мудрость представляется им во всей славе, и наконец удостоят их (что весьма нужно), что воздаяние за добрые дела имеет боле приятства, нежели наказания за злодеяния — страха. — — — Только что Екатерина рекла, то мифология отворила свой алтарь; все баснословные боги выходят из своих жилищ, чтоб споспешествовать намерению творца сея империи. Сим образом ангел Российския державы внушает своей самодержице, и так Ее императорское величество достигает высшей степени мудрости, производя полезное из забавного, и приготавливая оный народ к важным наставлениям строжайшего времени¹⁶ разумным

¹⁴ «ревностной» вписано другим почерком поверх строки

¹⁵ «рабстве» исправлено вместо «подданстве»

¹⁶ То есть Великого поста.

увеселением народного маскарада, который в точности есть ничто иное, как осуждение пороков, соединенное с похвалою добродетелей. Никогда не происходит из того худа, что правду говорят смеючися, а представляют в приятном образе.

Поражение пороков
и
возвращение Золотого века
или

Победа Минервы и добродетели над человеческими страстями.

Всенародный маскарад

Нужное изъяснение

Нет ничего достойнее любопытства, как все части сего прекрасного позорища; исключая отдаленный его предмет, о котором пред сим говорено, все делает его достойным общего удовольствия — его содержание, настоящий предмет, образ производства и исполнение.

1. Его содержание отнюдь не заимствовано, но совсем новое, отличающее его от всех других маскарадов, от всех древних позорищ и славных празднеств, с которыми сие никакого не имеет сходствия, но которые, однако, празднованы будут всегда, во всем свете, у всех народов в такое же почти время, лишь с большею или меньшею опасностью к повреждению нравов, но никогда к их исправлению и пользе.

2. Победа Минервы совсем производит другое, его настоящий предмет столько же полезен к исправлению обычаев, как и отдаленный последний, приведением людей к познанию самих себя чрез представление пороков и добродетели. Труд иногда долгий и требующий времени к рассуждению. Настоятельный же предмет народного маскарада исполняется скоро, ибо в то время, в кое беспорядок, если можно так сказать, дозволен,¹⁷ отвлекает он бесчисленный народ от пьянства, игры, а тем от ссор и драк опасных и от прочих злодеяний. Это еще не все: он вводит их в полезное любопытство, пристрастие души, которому подвержены все и кое, может быть, сильнее в невеже и невольнике, коего в таких людях нельзя удовольствовать лучше, как в уставленное обычаем время забывать им свои огорчения и отдыхать от своих всегда возобновляющихся.

3. Известно, что любопытство все сие скорее произведет, нежели еще неопределенное безмерное беспутство. Что во оном лучший успех иметь может, как народный маскарад? Образ его производства столько же делает его полезным, сколь забавным. Остроумный его изобретатель умел сделать представление, разделяющееся на шестнадцать частей и содержащее целое действие. В первых видно нам [наме]рение, расположение и разделение, в последних продолжение и окончание. Чего не можно вздумать и сказать о таковом разуме? Лъзя ль довольно похвалить изобилие и чистоту его вымысла? Но он один из тех, коих одно молчание хвалить по достоинству удобно. Он за свой труд довольно будет награжден, если его желание исполнится и народ ожидаемую им получит пользу. Он старается, забавляя, исправлять нравы граждан.

4. С какою ревностью последовали великим его идеям! Кажется, что быстрота его разума, правила в исполнении такое предприятие, коего расположение должно занимало несколько месяцев, приведено через пять недель от намерения к окончанию, невзирая на множество нужных к тому надлежностей, обще требующих к своему произведению все известные художества и механику. Какое множество работников к тому употребить было должно? Какое неискusstvenное людство надлежало, так сказать, оживить и побудить к мыслям, научить, ободрить и привести

¹⁷ То есть во время масленицы.

в действие каждого в свое время. Сколько возможностей соединить надлежало с разумом, или очистить разум от густого мрака? Как достичь конца стольких трудных вещей в такое краткое время. Преимущественное проницание, которое привело в толь скорое и исправное движение толико разных махин, не достойны ли великих похвал? Здесь они долженствовали бы занимать место, если бы строгая скромность их вещать не претила. Правда, что ни одна из них не сравнилась бы с общим почитанием и с вожденнейшим благоволением — — — — —¹⁸ Но крик нетерпеливого народа уже слышен; по справедливости, время пользоваться ему желаемым позорищем, приготовленным единственно к его утешению, от которого он не ожидает пользы, но кое представит ему все, что естество, науки, художества и аллегория имеют достойного любопытства.

Порядок путешествия
народного маскарада

Победа
Минервы и добродетели

I представление.

Момус, бог пересмешства, с своими соследователями
Первый деташемент: 50 гусар с их офицерами.

Маршал на коне, в дурацком платье, с своею свитою.

1. Знак момусов: куклы, колокольчики, коими оный и обвешан

Надпись:
«Упражнение малоумных»

2. Слышен хор музыки. Ее веселый и насмешливый слог предвозвещает божество, рожденное, подобно сновидениям, ото сна и ночи.

3. Видны сани с двумя знаками момусовыми и с четырьмя большими литаврами.

4. Шесть саней, из коих двое с кукольными театрами, двое парадные и двое с столами для игроков в кости, по сторонам двенадцать человек на деревянных конях с гремушками, что составляло весьма забавное зрелище.

5. Два флейщика, восемь барабанщиков, вооруженные притворным образом кольчугами. Они предшествуют и возвещают прибытие забияки Родоманта, который представлен чрезвычайной величины, сидящий на преизрядной лошади. Наряд его состоял в большой шляпе, шпаге, епанче, широких сапогах, шпорах, галстуге и перчатках. Вид кажется буянский, изрядно представляющий надменящихся одною лишь породю и несмысленных петиметров. Паж, поддерживающий его косу, немало способствует к смеху.

6. Панталон в порчезе, которую несут в комическом платье четыре человека. По сторонам в таком же одеянии идут шесть человек. Сие представляет новодостигших к чести, гордящихся именем злособренным и старающихся прикрыть свое истинное ничтожество всеми наружными знаками великолепия.

7. Шесть служителей, одеты скарамущами, с двумя полишинелями составляют свиту двух докторов, кои носят, не учая, на себе сие имя, и хотя они меж собою спорят, но ученого в них только одно платье, педантство и дерзостная привычка употреблять ученые слова, которых хотя они и не понимают, но говорят их кстати и некстати.

¹⁸ Если в предшествующем описании имеется в виду, по-видимому, И. И. Бецкой, то данный пропуск указывает на Екатерину II.

8. Шесть диких человек везут сани для арлекина, четверо обезьян сидят на столбах и окружают сию смешную рожу, коего пестрое платье, измятая шляпа, чудная маска и переменные телодвижения нехудо представляют все умножившиеся в свете смеха достойные поступки. Арлекин издревле имеет право осуждать всех, но никого не озлоблять, чего он никогда не делал и отчего, подражая ему, станут остерегаться во всем течении сего аллегорического описания.

9. Двенадцать человек в шутовских платьях, с гремушками, вооруженные дудками, предшествуют, соседствуют и последуют тому славному волу, что некогда Нептун произвел трезубцем. Два человека с приделанными к грудям рогами ведут сего быка, на котором сидящий человек имеет на груди окно и держит модель кругом вертящегося дома.

10. Наконец, сам Момус в колеснице, коего поднятая голова, быстрый взор, орлиный нос, насмешный вид, язвительная улыбка, маска, гремушка и прочие принадлежностей шутов — его следователей — ясно изображают бога-пересмешника. Сей бог упражняется в одном исследовании божеских и человеческих дел, чтоб их переговаривать с равною вольностью. Свидетельствует сему осуждение его дел Нептуновых, Вулкановых и Минервиных: он сказал первому, что его вол сильнее бы мог биться, если б видел свои роги; второму, что его человек не столь бы был опасен, если б чрез малое окно было можно читать, что у него в сердце. Богине, что ее строение было бы покойнее, если б можно было его удалять в случае дурного соседа.

Кoliko счастливы тем человеки, что их с таким разумом, острою и справедливою осуждают, как богов. Но здесь только еще начало. Момус, насмехая порокам, подает бедным смертным полезные наставления по повелению самого Юпитера, который желает их прежде исправить, нежели наказать.

II представление

Бахус, бог пьянства, с своею свитою.

Маршал на коне, наряженный сатиром.

1. Знак юпитерова и семелеинова сына, представляющий козлиную голову.

Надпись:

«Смех и бесстыдство»

2. Слышен хор веселой и приятной музыки.

3. Колесница Пана, сына меркуриева, присутствующего в полях, который до половины человек, другою козел. Многие пастухи и пастушки окружают сего верного товарища, победителя Индии, и стараются сохранить в нем его веселость своими песнями и плясками. Колесница его представляет пещеру, окруженную лесом, виноградными ветвями и цветами. Ее везут козлы.

4. Восемнадцать сатир и бахант, держащих в руках виноградные кисти, корзины, тамбурины, виноградные кольца с яблоками на верху, называющиеся¹⁹ бахусовыми жезлами.

5. Двенадцать сатир, из коих четыре едут на козлах, два на свиньях, два на обезьянах, а последние четыре их пересмевают.

6. Сам Бахус, имея на голове виноградный венец. Лице полное, щеки румяные, взор быстрый, вид веселый, держит в руке ковш с виноградным соком, в другой свой жезл, из коего по его воле истекает вино. Он сидит в колеснице, сделанной наподобие зеленой беседки. Ее везут тигры, окруженные двенадцатью сатирами, имеющими в руках жезлы и играющими на тамбуринах.

¹⁹ В подлиннике: «называющимися».

7. Следует славный и известный в Индии осел. Два сатира его ведут, на нем обычайная его тяжесть: старый Силен, всегда пьяный и не могущий без помощи двух поддерживающих его сатир держаться на верном своем возникше.

8. Сани с превеликою водочною бочкою, коей дух привлекает пьяниц, на ней сидит один, желающий перепить самого Силену.

9. Восемь пьяниц, везущие кабак, в нем сидит целовальник, повелевающий шести своим работникам, кои служат пьяницам. Сии люди суть те, которые провозждают свое время в потере рассудка, не имея в нем ни малой надобности; и будучи отлучены от злодеяний страхом наказания, позволяют себе малое рук проворство, чтобы было, что пропить.

10. Во окончании видны еще сани с кабаком, в нем и на нем видны целовальники, одни с мерками и насосами, другие пляшущие и играющие на гудках, бала-лайках и волынках, что составляет грубую музыку, которой звон весьма уныл и удобный окончиться приятно одним лишь сном.

III представление

Несогласие с своею свитою

Маршал на коне, с змеиными волосами, одет в платье черного и огненного цветов.

1. Виден бедоносный знак ужасного несогласия; на нем ястреб терзает голубя, паук спускается на жабу, кошка давит мышшь, лисица ест курицу.

Надпись:

«Действие злых сердец»

2. Слышен ужасный звон адския музыки, музыканты наряжены разными зверьми, коим меньше всего прилично быть в сообществе. Два медведя, два волка, две свиньи, один бык и один ишак, воя несогласнейшими голосами, нехудо подражают страшному рычанию.

3. Приходит несогласие, его колесницу везут змеи. Оно имеет лице бледное, глаза развращенные, руки окровавленные, в одной держит раскаленный уголь и змею, в другой кинжал; ему сотовариществуют три фурии, а за ними следуют забияки, борцы, кулашные бойцы с убийственными орудиями, которые, кажется, торжествуют наконец о успехе своей свирепости.

IV представление

Обман

Маршал на коне, одет в цыганское платье.

1. Знак обмана, представляющий маску, вокруг которой змеи, кроющиеся в розы.

Надпись:

«Прелесть к пагубе»

2. Слышен хор обманщиков и обманниц, поздравляющих друг друга в их проворстве и в простоте тех, которые даются им в обман.

3. Восемь цыган и столько же цыганок, поющих и пляшущих прелестным образом. От них безумец не может остеречься, разумный же умеет удалиться.

4. Четыре колдуна и столько же колдуний, соглашающихся с дьяволами, чтоб обмануть бедных смертных. Те, кои поднесь еще страшатся колдунов, не будут ни-

когда почтены ими, дьявольские же крючки бессильны против правды, искренности и рассудка, если сии подадут взаимную себе помощь.

5. Обман, его везут в санях лисицы, а окружают проектеры, из коих большая часть обманываются прежде сами, нежели других обманут. Сей бог имеет два лица, держит в одной руке сети, чтоб кого-нибудь опутать, в другой уду, а перед ним по дороге силки и отверстые клетки, наполненные семенем; когда прелесть соплетена хитро, тогда опасно приниматься за уду; но разумный человек нелегко дается в обман.

V представление

Невежество

Маршал на коне, одет невежею.

1. Знак сего божества, представляющий нетопыря, черные сети и ослиную голову.

Надпись:

«Вред и непотребство»

2. Хор слепых, кои ведут друг друга и кричат, как потерявшие свои костыли; четыре глупца к ним приобщаются и, дуя, отогревают замерзлых змей.

3. Возник обыкновенный невежества, который ездит с дурачеством обще, следовательно на осле.

4. Шесть ослов влекут сани лениости, которая, раскидавшись, лежит под богатым навесом и не делает ничего, не спит и не ест, хотя стоит перед нею стол с хорошим кушаньем, которого не дает ей аппетит за то, что она не заслужила оною трудами. Слуги, стоящие близ стола, таскают кушанье, объедают свою госпожу и разоряют ее под покровом ее нерадения.

5. Злословие в своей колеснице, которую влекут гарпии с поднявшимися власами, с наполненными кровию глазами, с бледным и унылым лицом, отрывая змей, держит в одной руке зажженную свечу, а из другой бросает змей. У его ног виден обыкновенный его признак, ярящаяся волчиха с оскаленными зубами.

6. Злословие и леньсть суть неразлучающиеся товарищи, и для того их сани окружены множеством ленивцев, которые, не имея никакого дела, гуляют от праздности, разговаривая между собою о том, чего не бывает, или утешаяся ругательством над своими знакомыми, а иногда и над благодетелями.

VI представление

Мздоимство

Маршал, одетый подьячим.

1. Знак нового божества, представляющий гарпию в крапивном венце, с крючками, с денежными мешками и с переломленными весами.

Надпись:

«Всеобщая пагуба»

2. Слышен вместо хора крик хитрых судей, секретарей и подьячих, ко злодеяниям тайно ободренных, которые с улыбкою, тихим голосом или продают правосудие, или отказывают, смотря по обстоятельству дела. Бедные же челобитчики, сердясь на неправосудие и на таковую торговлю, кричат сначала как бешеные, но наконец, не имея иного способа к помощи, с оскорблением соглашаются. Все сии с привилегиями бездельники окружены адскими духами, которые, соединяя с их

тихим голосом свое журчание, внушают, что *лучше иметь что-нибудь, нежели ничего*.

3. Крючкописатель, держа в руках многие бумаги наподобие записных карт, на коих написано любимейшее их слово: *Завтре*.

4. Несколько крючкописателей, зацепившие своими крюками богатых людей, тащат за собою и беспрестанными взятками их разоряют.

5. Некоторые из сих крючкописцев растягивают свои сети и уловляют ими малосмысленных, чтоб, их стравя, после обще обирать в суде.

6. Хромая правда на костылях, держа переломленные весы. Она впадает в руки крючкописателей, которые гонят ее полными денег мешками.

7. Зрится сама аксиденция, имея в лице вид притворный, представляющий вместе скупость, бедность и жадность. Она кажет вдруг отвагу и робость. Аксиденция есть старуха высокого роста, нагбенна собственною своею тягостью; ее голова была бы гола, если б не осталось на ней несколько змей. Лоб имеет узкий и в морщинах, брови вытертые, глаза хотя потупленные, но мешущие завидливые взгляды, кои, пожирая свою жертву, ни на кого взирать не могут. Ее щеки висящие кажут остатки бледного румянца. Рот, наполненный черными острыми зубами, подбородок острый, тело жидкое и смуглое, груди открытые и повислые, из коих истекает синего цвета молоко, водочный запах имеющее, руки иссохшие с длинными ногтями, одета в богатое с других содранное платье. Шесть иссохших лошадей везут ее сани, в коих угнетаема тягостию собранного лихоимством сокровища сидит на яйцах, из оных от заразительного духа ей вспомоществующих криводушников выходят три гарпии.

8. Сани с криводушным судьбою, который разговаривает с своим взятколюбивым секретарем. Тут время разделять им свои доходы и все искусно ощипанные с гусей перья; но когда бывают они в своих судебных местах, тогда их слуги, достойные таких господ, стоят при задних воротах, где требуют, взывают и получают дачу иль деньгами, или флягою вина для барина, или булавками для барыни. За сим судьбою идут подобные ему криводушники и сеют крапивные семена.

9. Сие горестное шествие окончивается теми несчастными, кои были жертвою такового бездельства, они в слезах возвращаются с голыми руками и одеты пустыми мешками, из коих крючками, медлением, неправосудием и взятками все истощено.

10. NB. Здесь говорится о судьях, секретарях и подъячих вообще. Тот будь проклят, кто зло мыслит о ком-нибудь порознь! Если никто из сих господ не находит здесь своего образа, тогда Момус поздравляет сие государство. Но если есть такие, коим сия правда, одна имеющая право упрекать, досаждает, тем Момус советует исправляться и не жаловаться.

VII представление

Превратный свет

Маршал на коне, в развратном платье

1. Знак, представляющий вверху летающих четвероногих зверей; внизу человека, вниз головою, вверх ногами идущего на руках.

Надпись:

«Толико непросвещенны разумны»

2. Слышен хор четырех трубачей, едущих на верблюдах, литаврщика на быке и многих других музыкантов в развратном одеянии, имея на головах сапоги, на ногах шапки, на руках, вместо перчаток, сапоги и прч.

«Какая к размышлению открывается дорога, а особливо что касается до примечаний; но мудрый муж старается познать собственные свои заблуждения. *Познай каждый сам себя*, — кричит Момус. — *Тогда в состоянии будешь различать маски*».

3. Четыре человека идут задом: «не много ли в свете им подобных, которые умеют задом лишь двигаться, какую бы дорогою ни шли, и не знают другого искусства, как только удаляться от своей цели».

4. Шесть лакеев везут карету, в которой сидит лошадь. «Сколько невежд ездят в каретах, кои столько же подобны лошадям, как везущие их — скоты».

5. Шесть гайдуков ведут осла и свинью в изрядной карете. «Одна ли сия карета, — сказал еще Момус, — имеет сие сугубое преимущество».

6. Шесть вертопрахов, везут в карете обезьяну, которая всем показывает пристойным образом. «Чего не делают наши в одеждах обезьяны. Хорошая для вертопрахов должность! Можно ли было для них избрать лучшую школу? Их непроворство к переимчивости столь грубо, что не имеет оно достоинства, удобного побудить к смеху».

7. Двенадцать карл прогоняют двенадцать гигантов. «Давно уже храбрость, мужество, достоинство и добродетель не измеряются по величине роста. Сколько малых, кои внутренно велики и великих, кои малы. Содержит в себе скромность те достоинства, которыми тщеславие, не имея, гордится».

8. Люлька. В ней спеленаный старик, которого кормит мальчик. «Сие само себя довольно изъясняет».

9. Вторые сани с такою же люлькою, в коей старуха играет куклою, сосет рожок и страшится маленькой девочки, стоящей при ней с посохом. «Сколько лиц могут найти себя в сих истинных зеркалах».

10. Третьи сани с уборным столом, за ним сидит свинья в прелестном спальном платье, которое, как и голова, убрано розами и другими цветами. «Кoliko людей толико же напрасно бывают погружены в роскоши и коих лишнее сладострастие ниже может сделать сносными. Ах! Как благовонные воды, кружева и шитье бывают часто посмеятельными украшениями».

11. Четвертые сани с поющим ослом и с козлом, соглашающим его ржание игранием в скрипку, с химерою, которая со львиною головою, с козлиным телом, с змеиным хвостом ступающая на задних ногах, держа в руках проекты и записки, планы, девизы и изрыгая пламя, чтоб пожирать все, что ни попадет встрече, со многими людьми, наряженными животными — львами, медведями, волками, быками и ослами, кои следуют сей химере. Одни, идучи головою вниз, другие, делаячи все противное должному; четыре худые живописца стараются списать химеру, два дурные стихотворца воспеть дела сего обожаемого идола дураков, спеша за нею на коровах. «Увы, много концертов, проектов, рисунков и стихотворческих сочинений, подобных сей картине».

12. Пятые сани с Диогеном, сидящим в бочке, который всегда упражняется с фонарем в руках в древнем своем искании. «Ах! Если бы он искал героиню: труд бы его скорый получил конец».

13. Шестые, наконец, сани с глобусом превратного света. Море, в нем рыбы, действуя ружьем, искусство из одного стреляют. Пруд, в котором лягушка ловит неводом рябчиков и тетеревей. Колоннада, у коей капители в земле, а основание вверху; дерево, на котором вместо плода произросли яйца, а на нем сидят осетры и белуги. Толпа людей, одетые развратно, несут ветряные мельницы. Философ Гераклит, который плачет, и Демокрит, который смеется всем истинным безумствам превратного света: «Увы! К чему такое беспутство и не удобно ли оно самих нас привести во удивление», — говорит с слезами Гераклит. «Хахаха, — говорит, смеючися, Демокрит, — какой изрядный разврат истинного понятия. Я узнаю в них себе подобных, и как тщеславие их сим поведением меня забавляет — — —». «Однако они могли бы быть гораздо лучше, если взяли бы другую дорогу, но со

временем все будет. Мы потщимся привести в порядок», — сказал важным лицом Момус, зачиная скучать толиким числом смеха достойных глупостей.

Страсти, которым люди меньше всего противятся,
но кои вводят их обычайно в крайнюю погибель

VIII представление

Бог спеси

Маршал на коне, в турецком платье

1. Знак, вверху виден павлиний хвост, окруженный нарциссами, внизу зеркало, представляющее дурную рожу, которая собою любитса.

Надпись:

«Ему недостает только достоинств, кои он в себе полагает»

2. Слышен хор, составленный из барабанщиков и трубачей, сидящих на конях, коих ведут невольники.

3. Два скорохода, девять пеших лакеев, восемь гайдуков и два пажа предшествуют и окружают карету спеси, украшенную золотом, лазурем и лучшими перьями. Ее везут шесть гордых коней, а вверху виден гордящийся с распущенным хвостом вертящийся павлин. Надменность сего бога такова, что он не видит, не чтит и не любит кроме себя никого, едва его карета в себе вместить его удобна. Он гордится боле юнониной птицы, которая изрядно с ним согласует. «Если последователи сего божества любят только самих себя, то любят они, никогда не имея совместников. Момус им желает причины к ревнованию, им должно лишь отдавать себе справедливость и несколько убавить спеси».

IX представление

Бог игры

1. Знак представляет вниз обращенный рог изобилия, а перед ним курящиеся кадильницы, из него же сыплется в великом числе золото.

Надпись:

«Не знают тому цены, что расточают».

2. Слышен хор, составленный из счастливых и разорившихся игроков и из плачущих вдов и сирот.

3. Сани, на коих подобие жертвенника, посвященного карточной игре.

4. Видны — — — король, краля и хлап винновый,
король, краля и хлап жлудовый,
король, краля и хлап червонный,
король, краля и хлап бубновый.

«Изрядная беседа к потерянию достатка, времени и чести».

5. Сани, на которых играют в карты. «Нечувственный проигрыш, внутреннее прискорбие, разорение, избежание и самоубиение».

6. Сани, на которых играют в кости. «Клятва, брань, свирепство и смертоубиство».

7. Восемь игроков, веселящихся о своем выигрыше, и двенадцать ребят, поющих с радости.

8. Восемь игроков, стонающих о своем проигрыше, и двенадцать бедных малых сирот плачущих.

9. Восемь человек, доведенных до нищеты и идущих уже с котомками. «Всякое истолкование недостаточно представить так ясно, живо и понятно, как сии картины изображают сами».

X представление

Венера, Купидон и забавы

1. Видна колесница венерина, вокруг которой летают нежные ее голуби, покрытая розовым с серебряными цветами балдахином, убранная стрелами, луками и сердцами, пронзенными и воспаленными. Сию колесницу везут лебеди. Сама богиня, венчанная масличным венцем, имея сплетенные из волос локоны; глаза прельщающею роскошью хотя немного были закрыты, но однако лестною манили надеждою. Раскинувшись, сидела она рядом с своим сыном, которого лукавый и быстрый взгляд легко привлекал под свой закон нежные и чувствительные сердца. Малосмысленные чрез притворную улыбку сего маленького бога впадали в его сети. Он ободрялся злом, им уже произведенным, или что произвести был намерен, но хотя бы они его и остерегались, то могли ль бы воспротивиться полуобнаженным, как и богиня, грациям, кои, подобясь ей, прелестные свои являли красоты.

Вся сия свита везется восьмью мужчинами и восьмью женщинами, кои, во удовольствии²⁰ не стыдятся своих гнусных оков, забывают все свои дела, ближних и все, что имеют важного и освященного, следуя только буйственной своей страсти.

2. Сани с развращенною колесницею мотовства, в предприятиях своих расточительного, непостоянного и чувствующего ложные веселья. Ему служат ассистентами шесть мотов, коих горестные следствия их невоздержания окружать уже начинают, как то слабость, бедность, презрение и конечное разорение.

XI представление

1. Сани, на коих колесница расточения, а на других скупость, две страсти, равно бедоносные человеку, и кои между собою так близки, что кажется, будто держатся руками. Человек исправляется от единыя впадением в другую. Они обе равно вдавшегося им лишают самонужнейших вещей, да и жилища их построены одно близ другого. Расточение лежит на кровати на золотых искусно сделанных подножках. Завесы из алого с золотом бархата, с такою же бахромою, балдахин, на коем видны разные редкие перья, осыпанный бриллиантами. Божество в великолепном одеянии, убранное драгоценными камнями, упражняется отверстием полных сундуков, истощиванием рога изобилия, который почти уже пуст. Скупость, напротив того, обитает в темной и глубокой дикия степи пещере. Она ищет для своих сокровищ еще сокровеннее мест, кажется неверящеюся и волкам, стоящим при оных на страже, у коих скрипучие зубы и яростный взор согласуется с потупленными очами сея богини, которая покрыта рубищем, вид имея смуглый и умирующий от уныния и отчаяния.

2. Слышен хор бедных, кои согласно вздыхают о своих истинных несчастиях, последовавших приятным обманам любви, переменным прельщающим забавам, лестным обещаниям фортуны, блестящим наружностям расточения и самому ложному предусмотрению скупости.

XII представление

Юпитер приходит, чтоб поразить виновных смертных,
ему предшествует Вулкан с горою Етною.

Маршал на коне, в воинском платье, на котором изображены орлы, пращи и молния.

1. Вулкан, которому человеческие заблуждения приводят на память домашние его беспокойства. Сей бог жара и ревности охотно согласует намерению юпи-

²⁰ В подлиннике: «во удовольствие».

терову: ко истреблению злодейства поразить всех смертных громом, и для того спешит заготовить оный в наказание виновным, кои в преступлениях превзошли всю меру.

2. Четырнадцать кузнецов с их инструментами.

3. Большие сани с горою Етною, изрыгающею огонь и дым. Ее везут тридцать быков. Внутри оной Вулкан с циклопами приводят в совершенство громадные стрелы, кои властитель неба и земли им сковать повелел. Там слышен ужасный от частых по наковальне молотных ударов стук. Там грозные кузнецы, удивляясь сами произведенными ими страшными и бедоносными орудиями, кажут оные всем.

4. Колесница юпитерова со всеми знаками творца, правителя и содержителя всего мира. Ее везут шесть коней, оттоле поражаются без милосердия все, кои искренним признанием не удостоилися благополучной премены, спешащей исправить нравы и обычаи в смертных род.

Отец богов и человеков легко познается: величественные черты его лица вкореняют в сердца страх и почтение. Мигание его очей движет все естество, покиванием же главы колеблет всю вселенную. Он, сидя на колеснице, правит левою рукою весь мир, в правой держит гром, который подает ему его орел, сидящий у ног его с распростертыми крылами, обратя голову к раздраженному божественному величеству, вперив взор свой на смертоносные молниины стрелы.

Сей гром пускается наконец на смертных, утопающих в злодеянии, кои большею частью не стараются отвратить небесного гнева. Они превращаются в пыль, из их праха рождается род, который тем будет благополучнее, что не станет знать прежних злодеяний.

ХIII представление

Златой век

возвращает на землю Астрею, мир и муз, чтоб исправить опустошения, невежество, непорядки порока и бедствия злодеяний.

Маршал на коне, одет по-египетски и по-гречески.

1. Слышны попеременно три хора. 1) Пастухи с своими флейтами поют о должном страхе и почтении богам как творцам и о дружбе к человекам как к своим подобным. 2) Двенадцать пастухов прославляют скромность молодых девиц, их склонность к трудам и прилежание быть потребными в доме своих родителей. 3) Мальчики с масличными в руках ветвями поют должность делать другим то добро, которого себе желают, и остерегаться наносить то, что самим противно.

2. Видны все 24 часа суток в великолепном одеянии, каждый по своему времени: одни в аврориной одежде, другие в утренней, иные в солнечной, четвертые в вечерней, а последние в ночной. Пурпуровый, лазуревый, золотой, серебряный и фиолетовый цветы различают часы, а крылья их означают их скорость.

Шесть часов по большой мере могут быть употреблены к достойному за труды спокойствию и отдохновению, но прочие восемнадцать должны посвящаться вначале мольбе богам, потом службе к отечеству, или попечению своего дома и своих полей, или должности, по своему званию отправлять надлежащую, или познанию естества и самого себя, или благопристойному увеселению, но никогда непрерывным забавам.

3. Колесница почти уже забытого златого века на шести овнах, убранная просто несколькими деревьями, на них в взаимном дружелюбии сидящие щеглы, чижи и жаворонки щиплют цветы, кои обильная натура, красуясь различием, мешает с зелеными листьями, покрывающими дерновые кресла, усыпанные фиолетами и лилеями. В них возлюбленнейшее сидит божество, оно приводит с собою

Астр[ею] купно с приятным равенством, с отличием, отдав[а]емым²¹ одним добрым поведением, и искреннее желание к деланию добра, к утверждению обещания и к утешению дружбы.

4. Хор хлебопашцев²² с их инструментами, поющие приятство полевья жизни, невинности земледельцев, веселье, получаемое успехом их трудов и здорье, которое от того получают.

5. Тихая колесница мира на шести лошадях, грызущих свои удила. Мир рождается от воздержания желаний, от умеренности страстей, от истинного познания правды и неправды и от победы, получаемой над самим собою, он венчан масличным венцем, держит в руке вниз обращенную трубу. У ног его вол гуляет вместе с овцою. Колесница его составлена из облаков, окруженных радугою, около которой летают голуби.

6. Хор стихотворцев, поющих богов, государей и себе подобных. Их песни восхищают сердце и разум человеков, коих познанию обо всем с таковыми добродетельными нравами возрастают.

7. Блестящая колесница Аполлона со всеми знаками бога дня, медицины и стихотворства, сияющая от золота и драгоценных камней, окруженная светлейшими лучами, которую везут гордящиеся кони.

8. Следует гора Парнас, которую везут тридцать быков, на ней бог, венчанной лаврами, в одежде и епанче золотья парчи, имея на ногах чулки телесного цвета с белыми с золотом маленькими сапожками присутствует с девятью музами, кои, подобно ему, держат в руках свои признаки. Тут виден крылатый Пегас и игранье вод Иппокрены — фонтана, который произвел он некогда, ударив некогда копытом кастальскую землю. Вокруг сей стихотворческой горы видны по степеням законодатели, философы, стихотворцы, историки, нравоучители, а особливо любители испытания естества и все прославившиеся своими сочинениями творцы. Музы кажутся желающими разделить по себе наставление смертных и чрез научение познавать себя и все вещи довести их до мудрости.

XIV представление

Минерва и добродетель с своею свитою

Маршал на коне, в одежде римских героев

1. 16 труб и двои литавры возвещают совершенную победу мудрости над пороками.

2. Видны науки и художества,²³ коих сведение приводит человека в лучшее состояние и изготовляет его быть храмом самого божества на земли, нося в сердце своем добродетель.

3. Восемь почтенных старостию мужей в белых опоясанных одеждах, венчаных лаврами, они следуют колеснице добродетели, которая почти толико же сияющая, как солнцева, только что лучи сея богини смешаны с ветвями победы, с разорванными цепями и с отертыми слезами; снятое с добрых дел покрывало²⁴ и прочие признаки ее нам возвещают, венец победы украшает ее главу. Она прекрасна без притворства и благородна без гордости, ее быстрые взоры иногда возвышаются

²¹ Конъектуры вызваны обрывом края листа.

²² В подлиннике: «хлебопашца».

²³ Судя по всему, науки и художества были представлены двумя фигурами, как это было показано, в частности, в университетской иллюминации ко дню коронации Екатерины II 19 сентября 1762 года (Описание аллегорической иллюминации, представленной во всерадостный день коронации Ея императорского величества Екатерины Вторья, самодержицы вероссийския, и пр. и пр. и пр. в Москве пред Университетским домом, 1762 году сентября дня. М., 1762).

²⁴ В подлиннике: «лучи сея богини смешаны с ветвями победы с разорванными цепями и с отертыми слезами снятое с добрых дел покрывало».

к небу, иногда опускаются на землю, иногда обращаются к золотому солнцу, кое у нее на груди. Она покрыта белой одеждою, проста в своем убранстве, носит, подобно Венере, наполненный сокровенною мудростию пояс, содержащий в себе сие нечто неописанное, которое облегчает всякому его должности, утаивает слабости других, извиняет их преступления, скрывает собственное достоинство и производит общее благо единственно из любви делать добро. На ногах имеет она короткие сапожки огненного цвета и попирает ложь, зависть, ненависть, суеверство, лицемерие и самолюбие, которое иногда, кажется, несколько позволено.

4. Двенадцать героев, своим великодушием обязанных добродетели, умножают ее свиту: они сидят на гордящихся конях, коих жар искусством удержать умею[т]. Одеты великолепно разными геройственными одеждами; каждый из них держит знамя первейшего своего досто[ин]ства и трофеи пороков, побежденных ими с помощью богинь.²⁵

5. Законодатели толкуют свои правила: основание законо[в], послушание власти и источник всякого добра. Они вещают своим согражданам: «бойтесь богов, ибо они всемогущи, все их дела в том нас удостоверяют; любите честь, они ее внушают; презрение мрачит ум и душу; почитайте их за то, что они милосерды: луч их солнца светит всему миру.

Счастливы те государи, которые знают, что их подданные страшатся их, как богов, почитают их под сим именем, имеют чувствительные сердца к чести и стыду.

Воздавай должное каждому, забывая себя, помни о других; они станут пецися о тебе.

Нигде, никогда и ни в каком случае не употребляй ничего лишнего.

Если боги наградят тебя сыном, благодари их; но в то же время страшись о врученном ими тебе сокровище, будь ему образом божества, супруга твоя — лицом государя, дом твой примером отечества. Помни, что жизнь без воспитания бывает первым несчастьем, что воспитание состоит в правилах, а не в одном упражнении; если сын твой познает с молода добродетель, мудрость и честь, он будет тогда тебе в утешение, государю в крепость, народу своему в прославление. Но если ты допустишь его возрасть, не рача о нем, тогда он будет тебе в поношение, себе в несчастье и земле своей в стыд.

Есть во всех вещах середина: истина, правосудие и честь только в ней бывают; вне ея границ, кои весьма тесны, найти уже их невозможно; познай ея расстояние и понуждай сына своего часто его измерять и прч.»

6. Философы, желая, чтоб чистые сердца были просвещены и чтобы праводущие и познание соединенно производили все добро, которое они могут, приходят для возведения последователей добродетели в достоинство любителей философии; к сему нужно им открыть только сокровенную тайну естества, математики, физики, нравочения, узаконения и политики! _ _ _

Тайна, до которой они по счастью достигли трудами, бдением и исследованием, но которую с крайним веселием всем достойным открывают.

7. Хор отроков с венцами на головах в белой одежде, держа в руках ветви, прославляют храбрые поступки геройства, мудрое предусмотрение законодателей, просвещенное усердие философов, совершенную победу добродетели и скорое исправление прибытием мудрости.

8. Минерва сходит с небес в заложенной восемью белыми лошадьми колеснице, украшенной всеми знаками, изъявляющими ее могущество, убранной разными

²⁵ В подлиннике: «побежденных им с помощью богинь». Судя по всему, имеется в виду иконологическая обработка предложенной Э. Спенсером концепции поэмы о героях Круглого стола, каждая из двенадцати песен которой должна была изображать победу отдельной добродетели над соответствующим пороком. Поэма не была завершена. Ср. появление приближенных императрицы в образе двенадцати героев в античной одежде на картине С. Торелли «Аллегория на победу Екатерины II над турками и татарами» (1772; Государственная Третьяковская галерея).

трофеями, которые поставить ей должно за многие ее победы, гремящие бессмертною славою за то, что она пременила и утвердила весь свет! Вокруг ее возрастают пальмы к беспрестанному ее увенчанию.

Слава, уже летая над ее главою, надувает свои сто труб; разные знамена ее окружают. Вооруженный Марс сидит у ее ног, готовяся исполнять все ее повеления; статуи,obelisks, краски, карандаши, перья и кисти уже изготовлены предать позднему потомству все похвальные ее дела; но они крепче начертаны на сердцах, отколе повествования станут вечно предаваться от одного века другому и напишутся слезами благодарности, коих течение приятно и сила пронизательна. Блаженны те народы, которыми она станет править и что, будучи повержены милосердым ее законам, почтут свое благополучие ей служить, угождать и быть ее достойными.

Второй деташамент
50 человек гусар с их офицерами

XV представление
Диана, богиня чистоты и ловитвы.

Маршал на коне, в охотничьем платье

1. Сие представление хотя отделено от общего содержания, однако прилично к победе мудрости. Дияна боле имеет любви к чистым нравам, нежели могла бы пропустить случай не взять²⁶ участия в конце разрушения их зол, да и Минерва или, лучше сказать, ее величество, ее нам представляющее, пожелало, чтобы богиня строгости своим присутствием умножила ее двор.

2. Слышен хор музыки из разных инструментов, у коих стволы вместо округлости прямые, соединяющие, впрочем, все возможные различия в их высоте, в пускании духа умеряющие свой звон по их длине, широте и толстоте; всякий ствол дает свой голос, но вообще согласный. Сии инструменты составляют странную музыку, и совсем в мере и такте от другой отличную. Она сама собою имеет нечто, привлекающее ко уединению в рощи или к берегам великия реки, однако в ней много единственности для слуха, к ней не привыкшего; но если приобщатся к оной кларнеты, тогда в ней будут все и такие тоны, коих лучшие органы не достигают, но кои, ясно ударяя слух, наполняют его приятнейшим согласием.

3. Большие сани на шестидесяти оленях²⁷ с дияниною горою, покрытою деревьями и кустарником, составленною из разных крутых холмов, на которые охотники проложили дороги, приводящие к роще, посвященной богине Дияне. Тут видны растянутые сети и пойманные птицы. Изловленные пятнадцать оленей и множество другой разной дичи, разбросанной по горе, означает богиню, которой они посвящены. Шестьдесят человек охотников из императорской охоты в приличных платьях бегают вслед зверей и утешают некогда слух своею приятною музыкою, приводят в движение сию огромную махину, коей успех приобретет честь тем, которые ее выдумали, учредили и произвели в такое краткое время. И совершенно: таковая гора с холмами, с храмом, покрытая лесом и со множеством охотников немалым трудом назваться может.

Какой точности требовала она к своему порядочному уменьшению, к поданию ей легкости, к сохранению нужной всему меры, к приведению в твердость огром-

²⁶ В подлиннике: «взяв».

²⁷ Примечание в подлиннике: «За неимением оленей везена была сия гора пятидесятью быками».

ной величины, которую надлежало вести оленям, зверям больше проворным, нежели сильным! Но какой ум может найти затруднение, когда готовится угодить Екатерине Великой.

4. Некоторое число охотников, ободренных музыкальными инструментами и охотничьими рогами, с стаею выжлецов, коих слышные голоса кажут окончание великой ловитвы, получа в добычу четырех оленей, не считая великого множества другой дичи, лежащей на особливых санях, означаящих сборное место. Их везут шесть лошадей.

NB. Сия часть маскарада, ровняся с окнами Его императорского высочества государя цесаревича, останавливались. Тогда сборное место охотников исполнялось в самом деле. Тут пускаемы были зайцы и собаки; бег одних, преследования других с непритворным жаром охотников много веселило великого князя, который утеха своей матери и государыни, надежда славного народа, ему принадлежащего, и который почитает за счастье ему принадлежать.

XVI представление

Собрание разных масок

Маршал на коне, в одежде венецианского гондольщика

Восемь больших саней, каждые везутся шестью лошадьми, имея на себе по венецианской с гондольщиком и гребцами гондоле, которые кажутся быть в воде. Они все наполнены различных видов масками и окружены великим числом людей, представляющих разные народы, покоренные сему обширному государству, которые для общего и собственного удовольствия стекаются быть свидетелями всея славы, которую покрывается Северная Минерва чрез мудрые и милосердые свои намерения. Они все приемлют счастливое предзнаменование и получают сладостнейшую надежду.

Третий деташамент

50 гусар с их офицерами

Место маскарада

Теремы четырех гор, которые расстоянием на версту от императорского дома стоящие против большой галереи, были сборным местом народного маскарада. (1) Окружавшее их пространство содержало внутри против теремов великий театр со всеми декорациями, второе на каждой стороне по амфитеатру наподобие полукружия, касавшегося краями скатам, коих боки, перилы и пилястры были искусно сделаны изо льду, склонение же самих было умерено в скорости. (3) В середине обширное пространство наподобие цветника и (4) при конце всех скатов окруженные площади наподобие гульбищ.

В большом театре разные представлялись позорища, как то трагедии, комедии, важные и комические оперы. Сверх всего в приличных местах поставлены были на козлах шесть малых театров, где представлялися народные позорища, как то кукольные комедии, пляска, хитрая скачка, искусство, проворство, игранье в кости и прч.

Теремы, амфитеатры и средняя площадь все дни масленицы отверсты были всякий час для всего народа, где каждый мог пользоваться забавами, какими хотел.

Все четыре скаты им также были отверсты, и они могли тут казать свое проворство и легкость. Бывшие же близ их площади служили к санному и к верховому беганью, к борьбе и таковым забавам.

Во все продолжающееся сих забав время народ был утешаем приятною музыкою, в последний же день теремы были изрядно иллюминированы, а горы изрыгали фейерверочные огни.

Все речи, входящие в человека слухом, меньше его удовлетворяют и приводят в движение, нежели истинные предметы, предстоящие его взору.

Апология

Всякий зритель станет сие читать у себя в сердце, вещаемо истинным понятием, писанное искренним усердием, начертанное благодарностью у ног обожаемого образа своей государыни, своей матери и своей Минервы.